

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ ФОМЫ КЕМПИЙСКОГО

Самый известный писатель движения «Нового благочестия» Фома Кемпийский (1379/80 – 1471 гг.) был также историографом этого движения. Основой религиозности «Нового благочестия» была работа индивида над духовным становлением собственной личности и передачей этого опыта другим людям. На примерах основателей движения Фома показал своих современников, возрождающих идеалы первоначальной апостольской церкви. Таким образом, исторические сочинения Фомы Кемпийского представляют не ностальгические воспоминания о подвижниках прошлого, но своего рода рабочий инструмент религиозной жизни своего времени.

Ключевые слова: XV век, «Новое благочестие», Фома Кемпийский, исторические сочинения,

Об авторе: Логутова Маргарита Георгиевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела рукописей Российской национальной библиотеки, хранитель западноевропейских рукописей.

Фома Кемпийский (1379/80 – 1471 гг.) – автор книги «О подражании Христу», которая по числу изданий в христианском мире уступает одной Библии. Перу самого известного писателя «Нового благочестия» принадлежат также религиозно-дидактические трактаты, проповеди, молитвы, гимны, послания и исторические сочинения.

«Новое благочестие» (*Devotio Moderna*) зародилось во времена Великой схизмы (1378 – 1417 гг.), когда папский престол одновременно занимали два, а иногда и три папы. В разных концах Европы, в Англии (Оксфорд), Чехии (Прага), в северной Италии и в Нидерландах, духовные и светские лица пытались восстановить утраченные нормы религиозной жизни, обращая взоры к идеалам раннехристианской церкви. Они объединялись в общины, чтобы без принесения монашеских обетов жить в чистоте, бедности и послушании. Возникшее в конце XIV в. в

северных провинциях Нидерландов, «Новое благочестие» к середине XV в. охватило также южные Нидерланды и Германию. Движение ставило целью воскресить нормы жизни первоначальной апостольской церкви, что на практике выливалось в нравственное самосовершенствование его участников, с одной стороны, и в религиозное просвещение народа – с другой. Первоначально организационная сторона составила из двух структур: полусветских общин братьев и сестер «общей жизни» и монастырей августинских уставных каноников Виндесгеймской конгрегации. Позднее к ним присоединились женские монастыри третьего ордена св. Франциска.

Жизнь Фомы Кемпийского неотделима от «Нового благочестия» – он был связан с движением узами кровными и духовными. Его старший брат Иоганн был одним из зачинателей «Нового благочестия», а сам Фома с тринадцати лет жил в окружении единомышленников своего брата. Фоме Кемпийскому представилась уникальная возможность наблюдать становление движения изнутри. Он использовал этот шанс и посвятил начальному периоду движения два исторических сочинения – *Диалоги новиков* (*Dialogus noviciorum*) и *Хронику монастыря горы св. Агнессы* (*Chronica montis sanctae Agnetis.*) *Диалоги новиков* повествуют о возникновении первого дома братьев «общей жизни». *Хроника Агнитенберга* содержит предисторию и историю монастыря, в котором прошли 72 года монашеского служения Фомы. В этих произведениях, основанных на личных впечатлениях и свидетельствах очевидцев, описаны события внутренней и внешней жизни религиозных общин, в которых довелось жить Фоме Кемпийскому. Фактическая канва не заслоняет изображенных в них исторических персонажей. Фома пристально вглядывается во внутренний мир людей, с которыми ему довелось общаться, приводит их мысли, высказывания, мотивировки, заставлявшие их действовать так, а не иначе.

Vita Lidewigi Virginis

По просьбе монахов виндесгеймского монастыря св. Елизаветы близ Бриля Фома Кемпийский создал еще одно историческое сочинение – *Житие девы Лидевиги (Vita Lidewigi virginis)*.

Одна из самых почитаемых нидерландских святых, Lidwina из голландского города Схидама (1380 – 1433 гг.) была ровесницей Фомы Кемпийского. Фома называет ее Лидевигой, ссылаясь на *Деяния ап. Павла*¹.

«И пусть не оскорбит кого-либо, если в моем труде использовано имя Лидии или Лидевиги. <...> О Лидии читаем в *Деяниях апостолов*, что Павел обратил ее в веру и нашел гостеприимство в ее доме. Наша же Лидия многих духовных лиц охотно принимала для собеседования о вещах божественных, и, ангелом святым обученная, вкладывала благодать высшего утешения тем, у кого на сердце была тревога».

Тем самым Фома соотносит жизнь Лидевиги с *Новым Заветом*. Все остальные источники именуют ее Лидвина или Лидевей. Но поскольку у Фомы она фигурирует как Лидевига, я тоже буду называть ее Лидевигой. Она была пятым ребенком (всего у нее было восемь братьев) в семье обедневшего дворянина, служившего ночным стражником в Схидаме, и благочестивой матери. В семь или восемь лет стала проявлять благоговейное почтение к статуе девы Марии, которая стояла в церкви Схидама. Когда ей исполнилось двенадцать, отец хотел выдать дочь замуж, но мать воспротивилась, мотивируя ранним возрастом девочки. Как пишет Фома, Господь от века предназначил ее себе в невесты (“eum sibi in sponsam ab eterno eligit”²).

В 15 лет, катаясь на коньках, Лидевига упала и сломала ребро. «Врачеватель душ Христос посетил ее, и

¹ Acta apostolorum 16, 14-15. После того, как Лидия и ее семья были крещены Павлом, Лидия упросила Павла жить в ее доме.

² Vita Lidewigi virginis. In: Thomae Hemerken a Kempis. Opera omnia. Ed. M.J. Pohl, V. 6. Freiburg, 1905. P. 318.

ради здоровья ее души сдерживал ее недугом тела»³. Первые три года она еще ходила по дому. В 1398 г. проявилась болезнь, в ходе которой девушка ослепла на один глаз и не вставала с постели – у нее были парализованы обе ноги и правая рука. Болезнь прогрессировала в течение 38 лет, с частичными улучшениями в 1407 г. Последние семь лет своей жизни Лидевинга, терзаемая страшными болями, совсем не могла спать. Она умерла 14 апреля 1433 г. В 1890 г. Лидевига была признана блаженной, но акт сформулирован таким образом, что ее могли почитать и как святую⁴.

Когда читаешь приводимый Фомой перечень болезней и описание покрывавших тело девушки гнояников, ловишь себя на мысли, что невозможно без малого четыре десятка лет жить в таких мучениях. Это понимали и современники Лидевиги. С целью пресечения слухов совет Схидама направил к девушке инспекцию. Результаты отражены в видимусе, сделанном в 1451 г. с грамоты городского совета от 21 июля 1421 г. В документе детально описано состояние “*Lydewy Peter dochter*”. К тому времени Лидевига была больна 23 года. Помимо скрупулезного перечисления физических недугов, приведен ее недельный рацион – пинта вина, разбавленного водой, с сахаром или корицей. В первые три года болезни она еще съедала кусочек яблока или хлеба, пила сладкое молоко. Затем она жила на святой гостии. Каждые 14 дней свя-

³ *Vita Lidewigi virginis*, P. 318: *Medicus animarum Christus corpori quidam infirmitate eam pie pro salute animae suae visitavit et coaruit: de qua pro parte postea convaluit.*

⁴ Op 14 maart 1890 werd door paus Leo XIII een decreet uitgevaardigd waarin de "verering, welke sedert onheuglijke tijden gebracht wordt aan de Dienaresse Gods, Liduina, Maagd van Schiedam, zalig en heilig genoemd", werd bekrachtigd. Deze pauselijke bepaling impliceert dat Liduina in kerkrechtelijke zin slechts de titel en de voorrechten van een "gelukzalige" geniet maar desalniettemin vereerd mag worden als ware zij een heilige. Dat concludeert het Meertens Instituut.

щенник приносил св. причастие и очень осторожно вкладывал ей в рот, чтобы она не могла выплюнуть⁵.

Имеется еще одно документальное свидетельство о болезни девушки. Обнаруженные в 1947 г. в церкви Схидама останки Лидевиги были исследованы в лейденском университете. Диагноз – рассеянный, иначе множественный склероз, одновременное поражение нескольких различных отделов нервной системы, с параличом обеих ног и правой руки. Причиной болезни была признана травма ребра⁶. Это самый ранний из известных медицине случаев рассеянного склероза.

Агиография Лидевиги насчитывает три жития. Т.н. *Vita prior* была составлена сразу после ее смерти в 1434 – 1436 гг. каноником виндесгеймского монастыря св. Елизаветы близ Бриля Hugo van Rugge⁷. Жизнеописание современницы-мирянки было востребовано в кругах «Нового благочестия» и у францисканцев, поскольку представляло образец (зерцало) для подражания. Тех и других не удовлетворяла *Vita prior*. В середине XV в. появляются две новых версии: в 1448 г. *Vita Lidewigi virginis* Фомы Кемпийского, и в 1456 г. *Vita alme virginis Lidwine* францисканца Иоганна Бругмана⁸. Бругман написал Лидевиге стигматы. Язык всех трех *Житий* ла-

⁵ Oerle H. van. Tleven van Liedwy die maghet van Scyedam” /Ons geestelijk erf 54 (1980), blz. 241: De Middelnederlandse versie van de oorkonde werd in 1451 afgeschreven in een memoriaal van Jan van Beieren. De twee versies geven een verschillende datering van de oorkonde: het Latijn 1420, het Middelnederlands 1421. Afschrift, gedateerd 1451, van de Schiedamse oorkonde van 21 juli 1421 met een *vidimus* van Jan van Beieren.

⁶ Medaer R. "Does the history of multiple sclerosis go back as far as the 14th century?" /Acta Neurol. Scandinavica 60, 1979, 189-192.

⁷ Koen Goudriaan. Het Leven van Liduina en de Moderne Devotie. /Jaarboek voor Middeleeuwse Geschiedenis 6 (2003), blz., 165; Daniël Papebrochius ed. /Acta sanctorum. Aprilis II (Antwerpen 1675), 270-302.

⁸ Brugman Johannis. 1963.

тинский. Имеется еще сделанный ок. 1470 г. перевод *Vita prior* на средненидерландский язык.

Лидевига была не первой мирянкой, удостоившейся внимания религиозного сообщества. В XIII в. появились женщины, соединявшие *vita activa* (Martha) и *vita contemplativa* (Мария) – бл. Мария де Уани (Marie de Oignies, 1177 – 1213 гг.), и Кристина удивительная (Christina Mirabilis, 1150 – 1224 гг.). Жития этих женщин были созданы их духовниками, известными теологами Жаком де Витри и Фомой де Кантипре.

В предисловии к *Житию девы Лидевиги* – предисловия Фомы Кемпийского немногословны и всегда точно излагают задачи того или иного произведения - он пишет, что взялся за этот труд по просьбе субприора монастыря св. Елизаветы близ Бриля, где была создана *Vita prior*:

«Я перечитал житие святой и терпеливейшей девы Лидевиги <...>. Я переписал его, как Вы некогда пожелали, более кратко и более ясным стилем, и теперь отправляю его Вам для прочтения»⁹. Репутация Фомы Кемпийского как писателя в кругах «Нового благочестия» была высока, и именно к нему обратился собрат из виндесгеймского монастыря.

Свое произведение Фома разделил на две части. В первой изложил фактическую канву жизни Лидевиги, во второй части описал проделанный ею трудный путь духовного становления: «Весь материал книжки я разделил на две части, и каждой части предпослал оглавление. Многое из того, что было вставлено по совету неких лиц духовного звания я опустил, потому что, как мне кажется, это могло смутить людей неискушенных, внушить им сомнения либо вызвать вопросы».

Фома опустил эпизоды с двумя сожительствующими священниками, которых Лидевига обратила на

⁹ *Vita Lidewigi virginis*. P. 317: ... libellum de vita sanctae, et patientissimae Lidewigis virginis perlegi: et sicut diu desiderastis eundem breviori ac planioro stilo compositum, vobis nunc ad legendum ex caritate transmittito.

путь истинный и которые называли ее матерью, а также эпизод с неосвященной гостией. Духовник, по небрежности, принес девушке неосвященную гостию, и та отказалась ее принимать. Фома продолжает: «Я выбирал из многого, предпочитая записать и изложить то, что более служит наставлению нравов и предоставляет читающим истинный образец для смиренного подражания»¹⁰.

Вторая часть *Жития* начинается с описания горьких слез и сетований пятнадцатилетней девочки на свою болезнь. Но исповедник Лидевиги часто навещал ее и без усталости объяснял, как и каким образом ей следует непрестанно размышлять о страданиях Христа. «Когда она, наконец, насильно была приведена к благому обычаю медитаций о Боге, – пишет Фома, – то с течением времени высшая благодать породила в ней такую сладость, что, совершенно отказавшись от себя, она говорила, что свободна»¹¹. «Привлеченная и повязанная тайной сладостью Страстей Христовых, она разделила историю святейших его Страстей на семь частей, согласно числу семи канонических часов, вновь и вновь повторяла их днем и ночью в установленное время и,

¹⁰ *Vita Lidewigi virginis*. P. 318: Totam autem materiam libelli in duas partes distinxit: et singulis partibus propria capitula praenotavit. Plura etiam pro consilio quorundam religiosorum omisi inserere: quae forte quibusdam simplicibus dubitationem aut quaestionem intricatam ingerere videbantur. Elegi ergo ex multis ea potius scribere et colligere quae mires instruerent: et humilem imitationem legentibus liquido demonstrarent. Sunt tamen fere omnia omne admiratione digna, meam experientiam excedentia: quae maioribus iudicanda committo (сопоставляю).

¹¹ *Vita Lidewigi virginis*. P. 371-372: Tandemque per violentiam inducta bona consuetudo de Deo meditandi, tantam ei suavitatem successu temporis aspirante superna gratia generavit: quod perfecte se abnegando libere dicebat. Quia si posset per unam salutationem angelicam, plenam corporis salutem recuperare: non tamen hoc faceret nec optaret. Vere haec fuit mutatio dexterarum excelsi; qui manum suam misit inopi: et diu languentem consolatus est per noctes in lectulo doloris sui.

открывая в них скрытую манну, исполнялась такой радостью, что уже не сама, но Христос, над чьими Страстями она размышляла, казалось, ее питает и поддерживает. Ей виделось, что она в своем теле испытывает [его страдания]. Тогда могла бы, наученная Духом в истине своего опыта, сказать вместе с Исайей: “Истинно Ты Бог сокровенный. Душею моею я стремился к Тебе ночью, и духом моим я буду искать Тебя во внутренности моей с раннего утра”»¹².

Духовные упражнения, которым со всем старанием предавалась больная девушка, привели к тому, что: «Ангел стал брать ее в Святую землю, где Господь наш был рожден, где он общался с людьми и где страдал, осуществляя таинство спасения людей»¹³. Ангел брал ее также в ад, в чистилище и в рай.

Лидевига умерла в 1433 г.¹⁴ После ее смерти к гробнице, в ожидании чуда, стали приходиться паломники, и городские власти выстроили над гробницей капеллу. В *Vita prior* нет посмертных чудес. Фома счел нужным привести в конце своего повествования три сотворенных Лидевигой посмертных чудес, хотя, по его словам, их было очень много. Очевидцем этих чудес был доктор Вильгельм Сондерданк¹⁵. «Записанные выше чудеса, – пишет Фома в заключении своей книги, – происходят, когда Бог

¹² *Vita Lidewigi virginis*. P. 372: Siquidem attracta et allecta Dominicæ passionis suavitate occulta: historiam ejusdem sacratissimæ passionis in septem partes, secundum numerum septem horarum canonicarum divisam, die noctuque statutis temporibus percogitando ruminabat; et absconditum manna in ea reperiens, tantæ suavitatis gaudio replebatur: ut iam non ipsa, sed Christus cuius passionem recogitabat sustinere videretur, quæ hactenus ipsa in corpore pati videbatur. Poterat tunc plane per experientiam a spiritu docta cum Isaia dicere. Vere tu es Deus absconditus (45:15). Anima mea desideravit te in nocte; sed et spiritu meo in præcordiis meis: de mane vigilabo ad te (26:9).

¹³ *Vita Lidewigi virginis*. P. 373-375.

¹⁴ *Vita Lidewigi virginis*. P. 449.

¹⁵ *Vita Lidewigi virginis*. P. 453.

вновь проявляет доказательства [своего присутствия] в наши дни. В год рождения Господа 1448»¹⁶.

Житийная литература описывает не столько личностные качества святого, сколько отражение в человеке зримых следов Христа. Фома Кемпийский писал свое сочинение по канонам жанра с целью наставления нравов и как образец для смиренного подражания. Есть, однако, в *Vita Lidewigi virginis* момент, который выделяет это произведение из общего ряда житийной литературы. В основании этики «Нового благочестия» лежала идея самосовершенствования индивида, обновления его духовной природы путем постоянных и целенаправленных усилий. Эта черта в высокой степени была присуща самому Фоме Кемпийскому, и именно на ней он фокусировал внимание читателей. Для Лидевиги полное и абсолютное подражание земной жизни Христа стало возможным только в результате проделанной ею огромной внутренней работы. Да, Христос с рождения предназначил ее себе в невесты. Да, она родилась в пасхальные дни. Да, уже в восемь лет у нее проявилось почитание образа девы Марии. Но в первые годы несчастья пятнадцатилетняя девочка со всей страстью предавалась своему горю и завидовала здоровым подругам. Духовник заставил Лидевигу обратиться к Христу. И лишь, когда она сама стала самостоятельно трудиться над совершенствованием своей природы, она вышла на новый уровень духовного развития. Распоряжаясь своими днями и ночами в непрестанных молитвах о Страстях Христовых, Лидевига продолжала жить в физических мучениях, но с просветленной душой.

Умеренный мистик, Фома Кемпийский, без сомнения, искренне верил тому, о чем говорил в составленном им *Житии*. «Почти все это достойно восхищения, — пишет он в предисловии, имея в виду видения Лидевиги,

¹⁶ *Vita Lidewigi virginis*. P. 453: Haec supra scripta miracula contingerunt Deo innovante signa in diebus nostris. Anno Domini 1448.

и продолжает, – но превосходит мой собственный опыт, когда я сопоставляю это с тем, о чем сам могу судить»¹⁷. Известно лишь одно видение Фомы, относящееся к 1424 г., о котором еще будет речь впереди.

Vita Lidewigi virginis была записана в датированном 1450 г. лувенском автографе Фомы. В годы Первой мировой войны кодекс с этим сочинением пропал, но, к счастью, в 1905 г. Михаэль Йозеф Поль опубликовал текст *Жития* по лувенскому списку в составе полного собрания сочинений Фомы Кемпийского.

Dialogus noviciorum

Религиозность «Нового благочестия» носила ярко выраженный личностный характер. Требование индивидуального подхода к чтению Св. Писания, медитации, молитве вело к индивидуализации других видов деятельности и прежде всего творческих. Большое значение придавалось собственному духовному опыту и передаче его другим людям¹⁸. Наиболее полно эти черты проявились в произведениях Фомы Кемпийского. Он обладал способностью наблюдать и фиксировать свои мысли и чувства и находить для них точные вербальные эквиваленты. У него был талант делиться своими знаниями и опытом. Наставнические обязанности развили этот дар, а естественным следствием стали написанные им книги,

¹⁷*Vita Lidewigi virginis*. P.318: Totam autem materiam libelli in duas partes distinxit: et singulis partibus propria capita praenotavit. Plura etiam pro consilio quorundam religiosorum omisi inserere: quae forte quibusdam simplicibus dubitationem aut quaestionem intricatam ingerere videbantur. Elegi ergo ex multis ea potius scribere et colligere quae mires instruerent: et humilem imitationem legentibus liquido demonstrarent. Sunt tamen fere omnia omne admiratione digna, meam experientiam excedentia: quae maioribus iudicanda committo.

¹⁸ Staubach Nikolaus. *Das Wunder der Devotio Moderna. Neue Aspekte im Werk des Windesheimse Geschichtsschreibers Johannes Busch*. /Windesheim 1395-1995. Klosters, texten, invloeden. Red. A. J. 1996, 171.

с особой ненавязчиво-доверительной интонацией, создающей у читателя ощущение беседы с глазу на глаз со старшим, опытным и чутким товарищем. Фома умел ясно и просто объяснять сложные, трудные для понимания темы и предметы. С другой стороны, в его изложении занимали свое истинное место и обретали значение обыденные, но чрезвычайно важные вещи, такие, как необходимость трудиться, четко выстраивать распорядок каждого дня, умение обходиться с людьми и т.д.

Забота о послушниках входила в обязанности сурприоров Виндесгеймских монастырей. Фома Кемпийский дважды избирался на эту должность, первый раз в 1424 г., второй раз в 1447 г. *Диалоги новициев (Dialogus noviciorum)* написаны в 1440-гг.¹⁹ Это многоплановое произведение о самых важных для Фомы темах и о людях, общение с которыми определило его собственный жизненный путь. Стержень, вокруг которого выстраивается повествование – основополагающий для «Нового благочестия» тезис о необходимости непрерывного духовного обновления личности. В прологе Фома пишет, что ставил целью написать руководство для новициев, подкрепленное примерами из жизни своих предшественников²⁰. Итогом стала серия из 11 биографий²¹. Фома-наставник рассказывает своему подопечному о чистоте нравов основателя движения Герта Гроте и его последователей, об их неустанной работе над совершенствованием своего внутреннего мира, преданности об-

¹⁹ *Geest Paul van*. 2008. P. 105.

²⁰ *Dialogus novitiorum* In: Thomae Hemerken a Kempis. Opera omnia. Ed. M.J. Pohl. 1922. P. 3: Mystice autem loquendo fragmenta ciborum sunt verba doctorum et exempla bonorum; quae a studiosis fratribus frequenter pensari debent: et in libris vel tabulis tamquam in cophinis ad utilitatem legentium diligenter inseri et conservari. Hac consideratione inductus pro noviciis exhortandis; quorundam praedecessorum meorum monita et exempla Deo iuvante huic opusculo inserere cogitavi: quatenus his bonis auditis laudetur altissimus Deus; a quo bona cuncta procedunt.

²¹ Lesser Bertram. 2005, 45.

щему делу, о том, как они любили и ценили книги, приводит их высказывания о чтении Св. Писания, то есть о том, что составляло самую суть движения.

Диалоги состоят из четырех книг. Первая озаглавлена *О презрении к миру (De contemptu mundi)*. В ней наставник ориентирует новиция на активное усвоение монастырских правил и неукоснительное их соблюдение. Воспринятые всем сердцем нормы поведения облегчат его жизнь в монастыре. Другой важной темой, на которой он акцентирует внимание юноши, является необходимость непрестанной борьбы со своими страстями и недостатками, что перекликается со многими страницами книги *О подражания Христу*. Послушник благодарит наставника и просит рассказать о его собственных учителях: «Скажи же мне, кто были те первые отцы, от которых вновь расцвело благочестие; те, кто учили тебя закону жизни и дисциплины»²².

Этим людям посвящены остальные книги *Диалогов*. Рассказ ведется от третьего, реже – от первого лица. Во второй книге описан жизненный путь Герта Гроте, которого Фома называет «нашего благочестия основатель»²³, Третья содержит жизнеописание последователя и соратника Гроте Флоренса Радевейнса. В четвертой книге, *Об учениках господина Флоренса (De discipulis domini Florentii)*, речь идет о девяти учениках Гроте и Радевейнса. Всех их, за исключением Гроте и первого ректора дома сестер «общей жизни» Яна ван ден Гронде, Фома знал лично. Первые школьные годы и свой последний учебный год он провел в их доме – факт чрезвычайно существенный в плане исторической достоверности. Но у книги есть другие, не менее важные аспекты.

²² *Dialogus*. P. 30: Dic ergo mihi qui fuerunt primitivi patres illi; per quos refluunt: qui te docuerunt legem vitae et disciplinae, et multos averterunt ab iniquitate.

²³ *Dialogus*. P. 116: Fuit nostrae devotionis fundator; iam in pio Florentio eius discipulo aperiam speciosi floris dulcedinem; qui eiusdem devotionis imitator extitit et ferventissimus propagator.

Жанр жизнеописания (*vita*) предписывал определенные стандарты, в соответствии с которыми объект рассказа представлял идеальным образцом для подражания.²⁴ Фома следует правилу, но с одним отличием. Он искренне восхищается людьми, в окружении которых прошли его детские и юношеские годы, людьми, образ жизни которых определил его собственный путь. Можно полагать, не все члены первой общины братьев «общей жизни» в равной мере заслуживали его восхищения. Когда в 1398 г. Фома во второй раз поселился в доме мастера Флоренса, там жили 20 братьев – трое мирян (ведавший практическими делами прокуратор, вестиатор, заботившийся об одежде, повар), и 17 писцов²⁵. Фома выбрал восемь человек, имевших для него особое значение. Каждому из этих людей он был обязан какой-либо гранью своего характера, образа мыслей, действий. Жизнеописания стали данью благодарности знаковым для «Нового благочестия» Флоренсу Радевейнсу и Гергарду Зербольту, священникам Люберту Бернери, Генриху де Брюйну, Эмилию ван Бурену, Якобу ван Вианену, смиренному повару Иоганну Кесселю и ровеснику Фомы клирику Арнольду ван Схонховену, с которым он делил комнату и постель²⁶.

Vita magistri Gerardi Magni

Первым идет жизнеописание Герта Гроте (1340 – 1384 гг.), и это самая ранняя по времени создания биография основателя движения. «Его мне не довелось ви-

²⁴ *Folkerts*. 2010, 54-55.

²⁵ *Dialogus*. P. 318. Гроте и два первых ректора общины сестер «общей жизни» в Девентере, Ян ван ден Гронде (+1392) и Иоганн Бринкеринк (+1419), во время пребывания Фомы Кемпийского в Девентере уже не жили в доме мастера Флоренса.

²⁶ *Dialogus*. P.318-319: Eodem tempore adiuvante domino Florentio et consulente domum illam inhabitare coepi, et fere per annum in congregatione illa cum Arnolde permansi: simul una camerula unaque lecto ambo contenti. ”

деть во плоти, – объясняет Фома, – но многие приближенные к нему ученики знали его лично; от них я часто и много слышал о плодотворных его делах: [говоря это для того], чтобы ты не посчитал, что я придумал это в своем собственном воображении»²⁷. Рассказы знавших Гроте людей сложились в биографию, стержнем которой стало становление духовного человека. По ходу изложения высказывается своя точка зрения на возникновение движения. Позднее эти высказывания выстроились в концепцию, изложенную в *Виндесгеймской хронике* его младшим современником, официальным историографом «Нового благочестия» Иоганном Бухсом (1399 – сер. 1480) и практически без изменений вошли во всю последующую историографию. Фома употребляет термин «новое благочестие» (*moderna devotio*)²⁸, первое упоминание о котором в литературе появилось ок. 1410 г.²⁹, и называет Гроте «нашего благочестия основателем»³⁰. Гроте был послан Вечной Мудростью Отца в стареющий и катящийся к худшему мир (только у картузианцев еще сохранился свет небесной жизни³¹) для того, чтобы вновь расцвела святая вера³².

Геерт Гроте родился в нидерландском купеческом городе Девентере, входившем в состав северонемецкой Ганзы. Его отец был бургомистром Девентера. Родители

²⁷ *Dialogus*. P. 32: Quem licet in carne non viderim, plures tamen discipulatus eius adhaerentes corporaliter agnovi: a quibus multa de felicibus actibus eius frequenter audivi, ut non putes me propria imaginatione haec confinxisse.

²⁸ *Dialogus*. P. 30.

²⁹ *Post R.R.* 1968. P. XI.

³⁰ *Dialogus*. P. 116: [Gerardus] qui fuit nostra devotionis fundator

³¹ *Dialogus*. P. 37: Apud Cartusienses vero lux vitae caelestis remansit occulta.

³² *Dialogus*. P.74-75: Optime autem aeterna Patris sapientia supernaque clementia providit, ut senescenti iam mundo et ad deteriora vergenti; talis ac tantus magister tamquam caelestis legatus destinaretur, lorica fidei indutus et sanctitate vitae suffultus: per quem religio sacra refloreret.

умерли в 1350 г. во время одной из самых страшных в истории человечества эпидемий чумы. В 1355 – 1365 гг. Гроте учился в Парижском университете и в 18 лет получил степень магистра искусств³³. Помимо этого, изучал медицину, математику, астрономию, натурфилософию, астрологию, моральную философию и каноническое право³⁴, а также, по его собственному признанию, нигромантию³⁵. По поручению магистрата Девентера улаживал дела города с епископом Утрехта, светской и церковной юрисдикции которого подлежал Девентер, и ездил по этим делам в Кельн и Авиньон³⁶. В 1372 г. Гроте серьезно заболел. Случилось это в Девентере, в доме его дяди. Приходский священник отказал умирающему в святых дарах на том основании, что в доме есть книги по магии, и причастил Гроте только после публичного сожжения этих книг на рыночной площади Девентера³⁷. Этот год стал поворотным в жизни Гроте. Наследник большого состояния, человек глубоких и разносторонних познаний, со связями в светских, научных и церковных кругах, на пути к успешной церковной карьере он, по выздоровлении, резко изменил образ жизни. Эта перемена вызывала в сознании современников аналогии с обращением апостола Павла. В течение следующих пяти лет Гроте вел замкнутую жизнь, работая над своим внутренним человеком, чтобы преобразовать себя по образу Божью³⁸. «Стал, с Божьей помощью, из богатого – бедным, из высокомерного – смиренным, из привередливого – воздержанным, из путешествующего – осед-

³³ *Dialogus*. P. 35.

³⁴ *Weiler A.G.* 1984. P. 16

³⁵ *Dialogus*. P. 69.

³⁶ *Weiler A.G.* 1984. P. 17.

³⁷ *Weiler A.G.* 1984. P.18.

³⁸ *Muden Rudolph Dier de*. Ed. Gerhard Dumbar. 1719. P. 5: Post conversionem suam latuit magister Gherardus quinque annis, laborans interiorem suam hominem reformare ad similitudinem Dei, ad quam creatus fuerat.

лым, из светского – духовным, из любопытствующего – простым и благочестивым», – писал Фома³⁹. В 1374 г. Гроте передал свой дом в Девентере в собственность городской общины для того, чтобы в нем жили одинокие благочестивые женщины, и написал правила для ведения дома. Женщинам предписывалось заниматься прядением и ткачеством и категорически запрещалось просить подавание. Себе оставил две комнатки, погреб, амбар и часть сада. С жившими в его доме женщинами не общался, окна в его комнатах всегда были наглухо закрыты. Фома передает бытовавший в его окружении анекдот. Один из учеников Гроте спросил, почему тот не открывает окна: «Если бы я мог и уши закупорить, только бы не слышать этих женщин», – отвечал Гроте⁴⁰.

Принадлежавшие ему земельные участки сдал в аренду различным учреждениям. Устроив дела, был принят в качестве доната в картузианский монастырь Моникхейзен, приором которого был его друг по Парижскому университету Генрик Эгер ван Калькар. «Именно там собрал он рассеяние своего сердца, там отчистил ржавчину старой жизни, и образ внутреннего человека преобразовал к чистоте», – пишет Фома и добавляет, что ему посчастливилось видеть келью, в которой Гроте вел свою духовную войну⁴¹. За три проведенных в монастыре года искания Гроте получили поддержку и приобрели осознанный и целенаправленный харак-

³⁹ *Dialogus*. P. 40: Factus est ergo Deo cooperante ex divite pauper, de superbo humilis: de delicato abstinens, de vago stabilis, de mundano spiritualis, de curioso simplex et devotus.

⁴⁰ *Dialogus*. P. 57: Si possem etiam aures obturarem: ne voces earum audirem.

⁴¹ *Dialogus*. P. 42-43: Vidi et ego habitationis suae locum, in quo lucerna Dei et amicus Omnipotens ad tempus latuit donec super candelastrum poneretur: ut omnibus lucis exempla monstraret. <...> Itaque bellum spirituale adversus carnem et sanguinem assumens: quo citius mundi rectorem, re principem tenebrarum diabolum prosterneret, strenue contra se ipsum in loco solitudinis armatur.

тер⁴². С помощью картузианцев он понял, что не создан для созерцания, и что его путь лежит в миру, который надо совершенствовать с помощью проповеди⁴³. В конце 1377 г. Гротн вместе с ректором школы в Зволле Иоганном Целе отправился в Париж для покупки книг, необходимых для его новой жизни. На обратном пути они заехали к знаменитому брабантскому мистика Иоганну Рейсбруку, приору монастыря августинских уставных каноников Грюнендаль, и имели с ним продолжительные беседы о святых писаниях (*de scripturis sanctis*)⁴⁴.

Книги занимали в жизни Гроте огромное место. Одна из глав жизнеописания посвящена его отношению к книгам и к чтению Священного Писания⁴⁵. «Корень твоего учения и зеркало жизни прежде всего в Христовом Евангелии: потому что в нем есть жизнь Христа», передает Фома слова Гроте⁴⁶ и пишет, что в том горел неустанный жар собирательства книг. Он приводит фразу из письма Гроте к Рейсбруку: «Как Вы знаете, я жаден и ненасытен до книг»⁴⁷. Гроте не коллекционировал книги; его интересовала не внешняя красота кодексов, но извлекаемая из них польза: «Предпочитаю, чтобы книга служила мне, а не я ей. Книга должна служить пользе читающего». Как св. Иероним, предпочитавший хорошо выверенные кодексы красивым и некорректным, Гроте разыскивал возможно более точные тексты сочи-

⁴² *Dialogus*. P.42-43: *Ibi namque recollegit cordis sui dispersiones: ibi veteris vitae deterisit rubigines, atque interioris hominis imaginem reformavit ad purum.*

⁴³ *Dialogus*. P.45-48.

⁴⁴ *Dialogus*. P.52-54.

⁴⁵ *Dialogus*. P. 64-70: *De magno desiderio suo legendi scripturas sanctas.*

⁴⁶ *Dialogus*. P. 87: *Radix studii tui et speculum vitae sint primo evangelium Christi: quia ibi est vita Christi.*

⁴⁷ *Dialogus*. P. 66: *Potius habeo quod liber me custodiat quam ego illum. Servire debet leber utilitatis legentis: quam curiositatem intuentis.*

нений⁴⁸. Подобно всем последующим поколениям гуманистических, в книге он видел инструмент своего интеллектуального труда.

Ученики старших классов латинской школы св. Лебвина в Девентере переписывали для Гроте книги. Фома Кемпийский рассказывает, на какие уловки тот шел, чтобы привлечь школьников слушать слово Божие – Гроте завлекал их благими беседами и платой за работу. А чтобы они чаще посещали его дом, деньги за переписку книг выдавал не сразу, а по частям⁴⁹.

В конце XIV в. спрос на книги превышал предложение, и это отчетливо прослеживается в переписке Гроте. Образованные люди соединяли усилия, обмениваясь книгами и предоставляя списки для копирования. На севере Европы в этот процесс были вовлечены также монастыри. Так, Гроте просил монахов Моникхейзена прислать с посыльным отсутствующие у него части «Моралий» Григория Великого и «Жития отцов», обещая быстро их переписать и вернуть в монастырь⁵⁰. Свои книжные связи и библиотеку Гроте предоставлял в распоряжение третьих лиц. В письме от 12 февраля 1383 г. он обращался к каноникам Грюнендаля с просьбой выдать один из больших томов Августина, которыми славился монастырь, магистру Б: «Он человек сильный и книга ваша будет под надежной охраной. Но если вы полагаете в этом какой-либо ущерб для себя, я обязуюсь

⁴⁸ *Dialogus*. P.65: Erat igitur studiosus in scripturis legendis sed non curiosus in pulchris libris habendis.

⁴⁹ *Dialogus*. P. 50: Fecit etiam plures sacrae theologiae libros a scholaribus scribi, quos attraxit colloquiis bonis; ac pretio remuneravit invitans eos ad domum suam venire et verbum Dei sepius audire; ut sic instrueret ad castitatem et vitae emendationem; quatenus aeternae beatitudinis participes fierent; et sanctae novitatis formam arriperent per abrenuntiationem vitae secularis. Interdum quoque pia cautione praehabita, pecuniae summam ex inegro non solvit, sed per partes tribuit: ut frequenter ad eum pro debito accederent, et tali occasione familiaritatis eius gratiam invenirent.

⁵⁰ *Dialogus*. P. 41.

компенсировать вам ваши хлопоты. Если вы захотите переписать какие-либо наши книги, мы пришлем вам, так же как и вы пришлете нам те книги, что могут нам понадобиться»⁵¹.

Путь к очищению общества виделся Гроде в раннехристианской общине. Сам он не принял ни монашества, ни священства. В конце 1379 г. он был посвящен в низший церковный сан, дававший право на проповедь – сан дьякона, и получил разрешение проповедовать на территории утрехтской епархии⁵². Проповедовал на народном языке⁵³ и на латыни в городах и в сельских местечках Оверейсела, Голландии, Зеландии и в тех районах Брабанта и Гельдерна, что относились к утрехтской епархии. Все силы свое незаурядной личности Гроде устремил на воскрешение первоначальной апостольской церкви с ее проповедью любви к Богу и к человеку и чистотой нравов. Под влиянием его проповеди некоторые горожане в Нидерландах и Вестфалии меняли образ жизни. Они объединялись в небольшие группы и пытались на практике претворять идеи учителя. Одним из первых был магистр Флоренс Радевейнс (1350 – 1399 гг.), викарий церкви св. Лебвина в Девентере. Последователи Гроде собирались по вечерам в доме Радевейнса. Здесь же оставались жить по окончании школы иногородние ученики, продолжавшие переписывать книги для Гроде. Если Гроде был духовным вдохновителем движения, то Радевейнс внес организующее начало и возглавил первый дом братьев «общей жизни», по образцу ко-

⁵¹ *Gerardi Magni epistolae*. Ed. Willelmus Mulder S.J. Tekstuitgaven van Ons Geestelijk Erf. Vol. 3. Antwerpen, 1933, p. 207: 'Homo est firmus et procul dubio librum vestum in segura custodia habiturus. Et si, quod longe est, aliquid dampnum sentiretis, ego me obliquo pro satisfacione copiosa. Et si quos libros nostros desideratis vobis copiarum, nos vobis eos, ut vos nobis, quos nos desideramus, transcribi procuremus.

⁵² *Weiler A.G.* 1984, 28.

⁵³ *Dialogus*. P. 76.

торого стали возникать общины в других городах Нидерландов и Германии.

Летом 1384 г. Гроте ухаживал за больными чумой и умер 20 августа того же года. В конце его жизнеописания Фома приводит текст программного сочинения Гроте *Conclusa et proposita non vota* (*Решения и намерения без произнесения обета*), эпитафию Гроте и речь его друга, кантора собора Парижской богородицы Виллема Салварвиллы.

Импульс, исходивший от личности этого девентерского патриция, более чем на столетие определил характер одного из самых массовых движений позднего западноевропейского средневековья. Уже Фома Кемпийский утверждал, что широкое распространение домов братьев и сестер «общей жизни» и монастырей Виндесгеймского капитула, начавшееся после смерти Гроте, было обязано его проповеди. В его родном доме в Девентере обосновалась первая община сестер «общей жизни». Первый дом братьев «общей жизни» составил из писцов, переписывавших для него книги, первой нотариально засвидетельствованной «общей» собственностью в доме мастера Флоренса стала библиотека Гроте⁵⁴. И сестрам, и братьям он категорически запретил нищенствовать – они должны были жить, обеспечивая себя трудом рук своих. По словам Фомы, на смертном одре Гроте поручил руководство братьями Флоренсу Радевейнсу. Гроте предполагал основать монастырь августинских уставных каноников для защиты братьев и сестер «общей жизни» от нападок нищенствующих монахов. Августинский устав был избран как дань особой любви и уважения к Рейсбруку, некоторые из сочинений которого, написанные на нидерландском языке, Гроте перевел на латынь. Монастырь Виндесгейм, основанный писцами из дома Радевейнса (в их числе был старший брат Фомы Иоганн), положил начало капитулу августинских уставных каноников, благодаря которому

⁵⁴ *Hyma Albert*. 1965, 35-36.

духовность «Нового благочестия» получила широкое распространение в Нидерландах и Германии. Вскоре к этому капитулу присоединился построенный на указанном Гроуте месте монастырь горы св. Агнессы, где в 1399 г. началось монашеское служение Фомы Кемпийского. Однако прежде чем переступить монастырский порог, с тринадцати до двадцати лет Фома жил в окружении членов первой общины братьев «общей жизни» и посвятил им две последние книги *Диалогов новицьев*.

Vita domini Florentii

В *Житии девы Лидевиги* и в *Жизнеописании Гроуте* Фома говорил с чужих слов. Начиная с биографии Флоренса Радевейнса, речь идет о людях, которых он знал. Гроуте был основателем нашего благочестия, а Радевейнс – его благочестия последователем и самым ревностным распространителем, пишет Фома в прологе к биографии мейстера Флоренса⁵⁵. «Боюсь, однако, что по неопытности моей я не смогу удовлетворительно составить жизнеописание этого отца <...>. Только мне, недостойному, кажется бесстыдным и неблагодарным, если я стану хранить молчание о достоинствах столь любимого отца, который меня и многих других в жизни облагодетельствовал, сначала привел к служению Богу, а затем направил к вратам монастыря»⁵⁶.

Радевейнс родился в голландском городке Леердам близ Утрехта. Это был человек среднего роста, с

⁵⁵ *Dialogus*. P. 116: Et rectus iam ordo loquendi procedit, ut qui bonae arboris ubertatem in Gerado ostendit qui fuit nostrae devotionis fundator; iam in pio Florentio eius discipulo aperiam speciosi floris dulcedinem; qui eiusdem devotionis imitator extitit et ferventissimus propagator.

⁵⁶ *Dialogus*. P. 118: Fateor namque imperitiam meam non posse sufficere ad tanti patris vitam describendam. <...> Denique durum et ingratum mihi indigno videtur, si tam dilecti patris virtutis reticerem: qui mihi et multis aliis beneficium in vita et primo traxit ad Dei servitium ac tandem direxit ad monasterii portum.

красивым лицом и стройным телосложением⁵⁷. Отец отправил его учиться в пражский университет, где Радевейнс получил степень магистра искусств. Возвращаясь из Праги домой, он едва не был сбит мчавшейся на него повозкой. Радевейнс воззвал к Богу, и повозка промчалась мимо – знак, поданный ему Христом. На родине он услышал проповедь Гроте и изменил свою жизнь: начал избегать мира и стал смиренным. Хотя считал себя недостойным такой чести, принял, по настоянию Гроте, сан священника и стал каноником церкви св. Петра в Утрехте. Фома передает слова Радевейнса при получении пребенды: «Надеюсь умереть не каноником, но послужить Богу в более низком статусе»⁵⁸. Вскоре он поменял каноникат в Утрехте на место викария в Девентере, чтобы быть рядом с Гроте. В его доме, по окончании школы, оставались жить юноши, продолжавшие переписывать для Гроте книги; так составила первая община братьев «общей жизни».

Фома вспоминает, как он сам оказался в доме мейстера Флоренса: «Когда в отроческие годы (в возрасте тринадцати лет – *М.Л.*) пришел я учения ради в Девентер, то выяснил, что должен идти далее к каноникам в Виндесгейм. Там нашел я братьев уставных каноников вместе с единокровным братом моим (Иоганном Кемпийским – *М.Л.*), и с их одобрения был направлен к высокочтимому мужу магистру Флоренсу Радевейнсу, благочестивому викарию и священнику девентерской церкви, чья слава уже вышла за пределы города, и в своей любви привлекала мой ум»⁵⁹.

⁵⁷ *Dialogus*. P. 128-129.

⁵⁸ *Dialogus*. P. 140: “Spero quod non moriar canonicus: sed in humiliori statu serviam Deo”.

⁵⁹ *Dialogus*. P. 214-215: Cum igitur studii causa in annis adulescentiae Daventriam pervenissem: quaesivi iter pergendi ad regulares in Windesem. Ibiq̄ue inventis fratribus canonicis regularibus cum germano meo, hortatu illius inductus sum adire summae reverentiae virum magistrum Florentium Daventriensis eccle-

Фома оказался в чужом городе в том возрасте, когда подростку необходимы внимание и чуткое руководство. Радевейнс принял заботу о мальчике. Он взял его в свой дом, определил в латинскую школу при церкви св. Лебвина и снабдил книгами⁶⁰. Позднее добился для него гостеприимства у некой благочестивой женщины: в Нидерландах считалось богоугодным делом взять в дом школьника и предоставить ему пиво, хлеб и постель⁶¹. Обаяние личности Радевейнса оказало определяющее влияние на духовное становление юноши. Очень проникновенно, с точной интонацией, передающей всю глубину его любви и уважения к этому человеку, описан один случай во время церковной службы:

«В то время я посещал хор вместе с другими учениками. И сколько раз видел на хорах господина Флоренса. <...> Случилось как-то, что я стоял недалеко от него. Он повернулся к книге, чтобы петь вместе с нами и, стоя позади меня, положил руку мне на плечо. Я замер, едва смея пошевелиться, пораженный таким знаком благосклонности»⁶².

siae vicarium sacerdotemque devotum, cuius fama dulcissima ad partes superiores iam ascenderat et in amorem sui mentem meam traxerat: quem frequens turba scholarium in divinis rebus agentem recommendare solebat.

⁶⁰ *Dialogus*. P. 215: Veniens ergo ad praesentiam patris reverendi, mox pietate motus; aliquantis per me secum in domo tenuit et ad scholas instituit: datis insuper libris quibus me egere putavit.

⁶¹ *Codina Mir Gabriel*. 1968, 155.

⁶² *Dialogus*, p. 142: Et ego tunc temporis cum aliis scholaribus chorum visitare consuevi sicut iniunctum mihi fuerat a magistro Iohanne Boëme, qui scholas et chorum strenue regebat. Quotiens ergo domum meum Florentium in choro stantem vidi, licet ipse non circumspiceret: praesentiam tamen eius ob reverentiam status sui metuens, cavebam aliquid fabulari. Et accidit aliquando ut non longe ab eo starem in choro: vertitque se ad librum nobiscum canendo. Et stans retro me manus suas super umerum meum posuit, stetique fixus vix audens me movere: stupens ad tantae dignationis gratiam.

Последний школьный год в Девентере Фома снова жил в доме мастера Флоренса, о чем вспоминает с теплом и признательностью. У братьев он приобрел полезные для будущей жизни знания: научился слушать (воспринимать на слух и понимать) тексты благочестивых книг, самостоятельно читать Св. Писание и писать, т.е. переписывать книги. Неизгладимый след в его душе оставил весь строй жизненного уклада братьев, их повседневное общение между собой и с другими людьми. Фома понимал, что каждый из них нашел себя и свое место в этом мире:

«Приближенный таким образом к благочестивому мужу и его собратьям, – я ежедневно наблюдал и внимательно следил за их благочестивым образом жизни, и находил радость и удовольствие в добрых нравах их и в дружеских словах, которые исходили из их смиренных уст; потому что не помню, чтобы когда-либо раньше видел людей, столь благочестивых и ревностных в любви к Богу и к ближним – людей, которые, живя среди мирян, ничего общего с мирской жизнью не имели».

По вечерам проходили собеседования – колляции, на которых читались вслух книги Св. Писания и благочестивая литература с последующим обсуждением, практика, воспринятая позднее всеми общинами братьев «общей жизни». Специально о колляциях Фома не пишет, но вспоминает один случай. На собеседования приглашались также миряне и школьники. Один пришедший слушать слово Божие мирянин сидел вместе с другими на краю колодца и внезапно упал в колодец, головою вниз. Присутствующие заглянули в колодец, заранее считая его погибшим, но тот, невредимый, уже стоял на ногах. Все вознесли хвалу Господу, который не позволил человеку умереть в столь почтенном доме (*in illa domo*). Фома часто размышлял о глубинном смысле этого происшествия, когда набирал воду для нужд кухни⁶³.

В среде образованных теологов Радевейнс пользо-

⁶³ *Dialogus*. P. 165-166.

вался высоким авторитетом⁶⁴; однако охотнее других книг читал Св. Писание и искал в нем мистический смысл; также всегда держал при себе книги простые и моральные⁶⁵, Лучшим занятием для клириков Флоренс Радевейнс считал переписку книг. Не обладая хорошим почерком, выполнял подготовительные работы: очищал и линовал пергамен, складывал тетради, проверял и исправлял переписанное другими⁶⁶, поскольку считал, что плохо переписанные и неверные по тексту книги хуже выполняют свою воспитательную функцию⁶⁷.

Отличительной чертой Радевейнса была приветливость в общении с людьми, проистекавшая из глубокой и деятельной веры в Бога: «Во внешнем облике и в речах был мягким, и в глазах всех приятным, ведь был он истинным возделывателем [пашни] Бога, и преданнейшим почитателем матери святой церкви»⁶⁸. Общение с этим неординарным человеком пробуждало в юноше стремление следовать его примеру. Постепенно это еще детское желание подражать старшим перешло в осознанную работу над собой – то, что в своих воспоминаниях Фома назвал обучением в школе Христа: «[Радевейнс] показывал себя веселым и утешительным людям опечаленным и искушаемым, так что если кто был раздражен и разгневан, после того как его видел и с ним некоторое время беседовал, в скором времени возвращался к себе с Богом, вполне успокоенный и утешенный. Что я сам очень часто испытал на себе, равно как и товарищи мои благочестивые. Благодаря его советам и беседам мы были обучены, и в школе Христа наилучшим образом просве-

⁶⁴ *Dialogus*. P. 176-178.

⁶⁵ *Dialogus*. P. 178.

⁶⁶ *Dialogus*. P. 150.

⁶⁷ *Dialogus*. P. 204.

⁶⁸ *Dialogus*. P. 215: Visu enim et auditu iustus erat, atque omnium oculis gratosus; utpote verus Dei cultor, et sanctae matris ecclesiae devotissimus venerator.

щены»⁶⁹. Возможно, именно от Радевейнса идет идущая от сердца, искренняя и убеждающая интонация доверительного разговора старшего и мудрого с начинающим духовный путь, свойственная всем произведениям Фомы и прежде всего книге *О подражании Христу*.

Слабое здоровье не позволяло Радевейнсу ежедневно участвовать в богослужениях, и часто укладывало в постель. Фома вспоминает: «Однажды я пришел навестить его в его комнате, где он, немощный, сидел в своей постели, и сердечно приветствовал его, много сожалея о его слабости. Прислуживающий ему брат Якоб де Вианен принес какие-то укрепляющие приправы, говоря: «Это хорошие кушанья, отведайте немного. Приятно пахнут, не правда ли?» Тогда он мне, слушающему, ответил: «Корка хлеба для вас вкуснее, чем мне это»⁷⁰.

Во время обострения болезни братья и сестры непрерывно молились, чтобы Бог, ради спасения многих, сохранил жизнь мейстеру Флоренсу. «И я иногда был посылаем к сестрам по такому поводу, говоря им: молитесь за господина Флоренса, ибо тяжело обессилен. И тогда милостивый Господь, который не отвергает молитвы бедных, но охотно внимает смиренным призывам, чтобы явной стала его мощь сынам человеческим, возвращал здоровье возлюбленному и верному слуге свое-

⁶⁹ *Dialogus*. P.153-154: Tristibus et temptatis hilarem se exhibuit et solaciosum, ut si quis offensus: fuisset et turbatus eo viso et secum parum loquente: mox bene pacatus et consolatus ad sua cum dio remereat. Hoc saepissime expertus sum in me ipso et sociis meis devotariis, qui eius consilio eruditi sumus: et in schola Christi optimis collationibus informati.

⁷⁰ *Dialogus*. P.160: Veni aliquando ad visitandum eum in camera sua, ubi sedebat debilis in lectulo suo: et salutavi eum benigne, multum dolens de eius infirmitate. Frater autem Iacobus de Vianen qui ei tunc ministeravit; aliquas species confortativas ei obtulit dicens. Istae bone species sunt, gustetis parum inde. Nonne valde bene sapient? Tunc ille me audiente respondit. Crustula panis melius vobis saperet, quam istud mihi.

му».⁷¹ Каждую весну, невзирая на собственные недуги, Радевейнс собирал лекарственные травы⁷², лечил больных, посещал бедных и прокаженных⁷³. Вера в Бога, смирение и милосердие определяли личность этого человека, и потому Фома почитал своим долгом «петь милосердие господина Флоренса в вечности»⁷⁴.

В доме мастера Флоренса сложилась практика, распространившаяся в XV в. по всей территории Нидерландов. По завершении учебы юноши некоторое время жили в опекавших их в школьные годы домах братьев «общей жизни». Они участвовали в занятиях священников и клириков, живших как монахи, но без принесения обетов. Некоторые, как Арнольд Схонховен, оставались в домах братьев до конца жизни, другие, в их числе Фома, ожидали места в монастыре. В 1399 г. Радевейнс направил Фому в монастырь горы св. Агнессы близ Зволле. Через год, в 1400 г., Радевейнс умер и был похоронен в церкви св. Лебвина в Девентере. В конце жизнеописания Радевейнса записано его *Послание к некоему канонику в Виндесгейме*⁷⁵, и *Примечательные высказывания господина Флоренса*⁷⁶, многие из которых перекликаются с мыслями, изложенными в I книге *О подражании Христу*.

Четвертая книга *Диалогов новичиев* содержит жизнеописания учеников Гроде и Радевейнса. В данной статье рассматриваются биографии тех, кто оказал непосредственное влияние на становление личности Фомы Кемпийского.

⁷¹ *Dialogus*. P. 162: Ego quandoque internuntius huius rei fui dicens sororibus. Orate pro domino Florentio: quia graviter infirmatur. Et ecce clemens Dominus qui non spernit preces pauperum, sed vota humilium libenter exaudit: redidit sanitatem dilecto et fideli servo suo, ut notam faceret filiis hominum potentiam suam.

⁷² *Dialogus*. P. 156.

⁷³ *Dialogus*. P. 152-154.

⁷⁴ *Dialogus*. P. 158: Etsi omnes tacuerint ego non silebo, sed misericordias domini Florentii in aeternum cantabo.

⁷⁵ *Dialogus*. P. 195-198: *Epistula domini Florentii ad quendam regularem in Windesem*.

⁷⁶ *Dialogus*. P. 198-210.

De Iohanne Kessel humili coquo

«Он [Кессель] издавна был хорошо знаком мне по Девентеру. И столь смиренным сумел сделать своего внутреннего человека в нравах и примерах, что презрение к миру проповедовал более действиями своими, нежели словами»⁷⁷.

Кессель родился в Дуйсбурге. Состоятельный купец, он торговал с Фландрией и Голландией. В Голландии стал задумываться о перемене жизненного пути – посвятить себя служению Богу, стать священником. Приехал в Девентер, чтобы изучать латынь, однако после бесед с Радевейнсом оставил учебники и упросил мастера Флоренса взять его в свой дом поваром.

«Во время приготовления еды распевал молитвы, - вспоминает Фома, – и превратил свою кухню в молельню, поскольку знал, что Бог есть везде. Он сумел из огня материального возжечь жар духовный»⁷⁸.

В свободное от работы время охотно читал, не для того, чтобы стать ученеe, но чтобы с тем большим пылом возвращаться к своим трудам⁷⁹. Особенно почитал, за их бедность и смирение, трех святых – Алексия, Франциска и Елизавету Тюрингенскую. В память школяра Фомы запал разговор, который состоялся у школьников с Иоганном Кесселем.

«Однажды в праздничный день, когда к нему пришли из школы некие клирики, завел с ними беседу о благих вещах. И среди прочего сказал следующее. Находим записанным в Евангелии: блаженны нищие духом, ибо их

⁷⁷ *Dialogus*. P. 292: Hic dudum optime mihi notus cum Daventriae frequentarem: tam humilis se exhibuit moribus et exemplis, ut contemptum mundi plus factis praedicaret quam verbis.

⁷⁸ *Dialogus*. P. 296: Saepe namque inventus est flexis genibus orare circa ignem et cum ollam manu congereret: ore devote psallebat. Fecit de coquina oratorium sciens ubique esse Deum: et de igne materiali excitavit spiritualem fervorem.

⁷⁹ *Dialogus*. P. 302.

есть царствие Небесное. Нигде, однако, не читаем, что блаженны магистры искусств. Клирики же, которые с большим почтением его слушали, были поражены необычностью этих слов. Далее он разъяснил свою мысль: без смирения наука не приносит пользы, но нищетою духа, т.е. смирением, воистину достигается Царствие Божие»⁸⁰.

Ни одна школа не может существовать без размышлений учащихся о последующем приложении своих знаний. Представляется вероятным, что в школе св. Лебвина воспитанников ориентировали на дальнейшее обучение в университете. Столь чтимые Фомой Гроте и Радевейнс были магистрами искусств. Поэтому мысль о том, что надо стремиться к смирению себя перед Богом, а не к университетским званиям, показалась столь необычной Фоме-школьнику. Возможно, слова Кесселя заставили его задуматься о будущем – идти в университет или в монастырь. В своих сочинениях Фома не раз возвращался к этой теме и всесторонне рассмотрел ее во второй – четвертой главах I книги *О подражании Христу*.

В конце жизни Кессель часто болел и не мог посещать мессу. Однажды ухаживавший за больными священник Эмилий ван Бурен предложил совершить для него, лежащего в постели, литургию. Кессель сказал, что только что был удостоен посещением Христа. «Когда же это было?», – удивился Бурен. «Христос исчез, как только Вы вошли», – ответил Кессель. Бурен вознес благодарность Господу, и впоследствии поведал Фоме об этом случае⁸¹.

Умирал он тяжело. Сатана искушал Кесселя, гово-

⁸⁰ *Dialogus*. P. 297: Quodam die sacro cum quidam clerici venissent ad eum de schola: coepit eis dicere aliqua bona, et inter cetera haec ait. Bene invenimus in evangelio scriptum, beati pauperis spiritus: quoniam ipsorum est regnum caelorum, sed nullibi legimus, beati magistri atrium. At illi obtupescentes de novitate verborum: cum multa reverentia eius verba sumpserunt Quibus etiam declarabat sententiam suam: quia sine humilitate scientia non prodest sed paupertate spiritus id est humilitate regnum Dei veraciter obtinetur.

⁸¹ *Dialogus*. P. 304.

ря: «Что, купец, хочешь стяжать за свои деньги царствие небесное?» «Не на себя рассчитываю, – отвечал Кессель, – но на милосердие Божие и на заслуги святых»⁸². В конце жизнеописания приведены высказывания Кесселя, в частности, о том, что утром по возвращении из церкви следует помолиться и расположить в своем сердце все, что намерен сделать за день⁸³. Для сравнения: «Поутру располагай свои поступки, вечером обсуждай, каков ты был того дня в слове, в деле, в помышлении»⁸⁴.

De Arnoldo Schonhoviaie devoto clerico

Арнольд ван Схонховен уже в детские годы предпочитал одинокую молитву в церкви играм со сверстниками. Родители отправили его для учебы в Девентер, где он жил в доме мастера Флоренса. В свой последний школьный год Фома делил с Арнольдом комнату и постель, и восхищался благочестием своего соседа. Когда Арнольд решил, что достаточно компетентен в науках, то оставил школу и, забыв родителей и родину ради жизни вечной, полностью предался духовным упражнениям. Этот юноша из состоятельной семьи страстно хотел остаться в доме мастера Флоренса и стать полноправным членом общины. Радевейнс объяснил ему, что для этого требовалось научиться переписывать книги. Совет послужил Арнольду руководством к действию:

«Учитесь хорошо писать, и тогда надежда будет с вами. Услышав это, он приложил все старание к тому, чтобы научиться хорошо писать, постоянно навещая одного из лучших писцов с просьбой как можно более полно себя проинструктировать. И говорил мне: о если бы я овладел мастерством письма, то мог бы скорее жить с господином Флоренсом. Надеюсь с божьей по-

⁸² *Dialogus*. P. 304-305.

⁸³ *Dialogus*. P. 319; Фома Кемпийский. *О подражании Христу*, С. 39.

⁸⁴ Фома Кемпийский. *О подражании Христу*, С. 39.

мощью успешно победить свои страсти, чтобы благодаря этому научиться писать. А я рассудил наоборот, говоря себе: если бы знал, что это сделает меня лучше, то захотел бы выучиться хорошо писать»⁸⁵.

Последняя фраза показывает, как тонко, со свойственной ему высокой степенью интроспекции, Фома уловил различие между собой и своим товарищем. Два юноши делили комнату и постель, равно впитывали в себя атмосферу дома и ревностно стремились к благочестию. Но одному из них цель жизни виделась в получении места писца, все прочее, в том числе победа над собой, служило средством к ее достижению. Для Фомы уже в юные годы борьба за совершенствование своей духовной природы стала главной задачей, которой он подчинил всю свою жизнь. Впоследствии в книге *О подражании Христу* он писал: «Не тому ли всего труднее борьба, кто старается победить себя самого? И вот какое должно быть наше дело: себя самого побеждать и каждый день оттого становиться сильнее и восходить на лучшее»⁸⁶.

Став переписчиком и полноправным членом общины, Арнольд ревностно относился к своей работе. Однако, судя по тому, что отец доплачивал деньги на его содержание, результаты его труда были скромнее, чем у других писцов, которые треть заработанного тратили на содержание дома для бедных школьников, треть – на помощь бедным, и сами жили на остававшуюся треть. По смерти родителей Арнольд отдал свою долю наслед-

⁸⁵ *Dialogus*. P. 323: Ita dicens ad eum [Arnoldum]: Discatis bene scribere et tunc spes erit de vobis. Quo audito tota diligentia nitebatur scribere addiscere: saepe vadens ad unum de bonis scriptoribus et petens ab eo plenius informari. Et dixit mihi. O si scirem bene scribere: ut possem citius cum domino Florentio habitare. Spero quod bene per gratiam Dei vellem passiones meas vincere: si tantummodo scribere scirem. Et cum haec audissem, miratus sum probitatem eius et fervorem: quia omni conamine satagebat agere quae dominus Florentius dixerat. Et ego versa vice cogitavi mecum dicens. Bene vellem addiscere scribere: si scirem me bene emendare.

⁸⁶ *Фома Кемпийский*. 1983. С. 3.

ства в общую кассу, и до конца жизни пребывал в доме мастера Флоренса в статусе клирика-писца.

Vita domini Lubberti Berneri

Что касается мастерства переписчика, то Фома на собственном опыте убедился, как дисциплинирует и способствует самоконтролю писцовая работа, и попросил одного из писцов сделать для него прописи. В этом эпизоде из *Жизнеописания Люберта Бернери* Фома говорит о себе в третьем лице (“quodam iuvene”). Передавая юноше готовые прописи, Бернери сказал, что с такими длинными и мягкими пальцами тот научится хорошо писать. Фома добавляет: «И, с божьей помощью, правильно предсказал»⁸⁷. Впоследствии писцовый труд стал одним из главных дел его жизни, но уже в этот свой последний год в Девентере Фома переписывал книги на продажу и отдавал заработанные деньги в общую кассу. Поскольку этих денег не хватало на его содержание, остальное доплачивал за него Радевейнс⁸⁸.

Из начальных строк жизнеописания Бернери следует, что этот священник очень много значил для Фомы в последний проведенный им в Девентере год:

«Среди первых, исполненных благочестия светил, блистал в Девентере великим смирением и полным послушанием священник Люберт, сын Иоганна Бернери из Зволле. Его пламенная жизнь во Христе меня и многих других братьев направила в Виндесгейм, в монастыри горы св. Агнессы и источника блаженной девы Марии близ Арнема»⁸⁹.

⁸⁷ *Dialogus*. P. 242: Sciebat etiam bene scribere, et libenter scripsit: vitans otium et diligenter operi manuum instans, et alios inducens ad scribendum. Rogante autem quodam iuvene ut exemplar ei scriberet: benigne annuit et fecit. Et ait: Bene addisces scribere: longos enim et molles digitos habes. Et Deo cooperante verum prophetavit.

⁸⁸ *Dialogus*. P. 319.

⁸⁹ *Dialogus*. P. 238: Inter illa devotorum luminaria refulsit Daventriae magnae humilitatis et summae oboedientiae sacerdos

Бернери получил степень бакалавра искусств в пражском университете. По возвращении, вдохновленный небесным провидением, обратился к очищению своей природы, для чего сменил изучение светских наук на духовные упражнения. Учился у Радевейнса совершенно отвергать мир и идти по стопам смиренной жизни Христа. Его отец, скабин в Зволле, многократно пытался вернуть сына, но тот, стойкий духом, избрал путь следования советам Христа, а не своего земного отца. Бернери примирился с отцом на его смертном одре. После похорон вернулся в Девентер и отдал свое наследство Радевейнсу. Деньги были потрачены на постройку дома. Дом, названный именем мейстера Флоренса, с благоволения (*faventibus*) скабинов Девентера был основан как община благочестивых клириков. Фома, не часто упоминавший даты описываемых событий, сообщает, что это произошло в 1391 г. В том же году Бернери принял сан священника⁹⁰. Послушание его Радевейнсу было абсолютным. Если Радевейнс посылал за ним, сидящим за работой, то Бернери тотчас откладывал перо, хотя бы и оставалось ему дописать три-четыре слова в последней строке. «Смиренен был блаженной памяти господин Люберт: смиренен сердцем, смиренен в обычаях, смиренен в действиях, смиренен в речах». Когда один из клириков попросил его доброго совета о том, как очистить себя, Бернери ответил: что слишком бесплоден и непригоден для этого, и отослал клирика к другим братьям⁹¹. «Ибо был ничтожен и презрен в глазах своих, и пото-

quidam nomine Lubertus filius Berneri Iohannis de Zwollis oriundus, cuius fervidam in Christo conversationem plures mecum noverunt fratres in Windesem, in montem sanctae Agnetis et in fonte beatae Mariae prope Arnem.

⁹⁰ *Dialogus*. P.231-232.

⁹¹ *Dialogus*. P. 235: Humilis fuit iste felicitis memoriae dominus Lubbertus: humilis corde, humilis habitu, humilis actione, humilis sermone.

му только лучшее думал о других: и особенно о тех, кто прислуживал братьям на кухне»⁹².

Бернери был компетентен в искусстве переписки, прилежно и полностью предавался труду рук своих, и других побуждал к писцовой работе. Когда он умирал от чумы, просил братьев поминать его в своих молитвах, особенно во время письма, чтения и частных молитв об усопших. В конце жизнеописания Фома приводит запись о последних днях Бернери, составленную его другом священником Эмилием ван Буреном, письмо, продиктованное Бернери к мастеру Флоренсу, выдержку из письма Радевейнса о кончине Бернери, и подборку духовных наставлений Люберта Бернери.

De domino Gerardo Zutphaniae

«Желаю вкратце исследовать добродетели благочестивого и ученого мужа священника Герарда из Зутфена, чтобы представить его жизнь и написанное им как пример для добрых воспоминаний и для подражания грядущим поколениям. Он достоин быть назван одним из самых выдающихся среди первых братьев, ревнителей божественного закона. Хотя прожил недолго, но оставил нам в высшей степени достойные произведения»⁹³. Речь идет о двух книгах Зербольта: *О духовных восхождениях (De spiritualibus ascensionibus)* и *О преобразовании способностей души (De reformatione virium animae)*⁹⁴.

⁹² *Dialogus*. P. 241: Erat quippe vilis et abiectus in oculis suis, et ideo meliora sensit de aliis: et praecipue de eis, qui serviebant fratribus in coquina.

⁹³ *Dialogus*. P. 275: Libet iam devoti et eruditi viri domini Gerardi de Zutphania virtutes breviter indagare; et pro bono memoriali vitae eius exempla atque scripta futurae generationi imitanda proponere: qui inter primos fratres et divinae legis zelatores meruit praestantior nominari. Et licet breve vixerit tempore: gratissima tamen nobis reliquit doctrina monumenta.

⁹⁴ *Dialogus*. P. 275. См. также М.Г. Лозутова. 1991, 13-29.

Герард Зербольт (ок. 1367 – 1398 гг.) в детские годы учился очень прилежно и редко посещал церковь. Но божественный промысел направил его учиться в Девентер, где он в окружении братьев начал настойчиво заниматься очищением себя и предаваться духовным упражнениям. По окончании в 1385 г. школы св. Лебвина стал клириком в доме мастера Флоренса. Исполнял обязанности библиотекаря и руководителя писцовой мастерской.⁹⁵ В 1394 г. принял сан священника.

Зербольт совершенно не заботился о своем здоровье. Лечился только по настоянию Радевейнса⁹⁶, но проявлял заботу о вверенных его попечению книгах (*libros in maxima reverentia habuit*). Снабжал благочестивыми книгами дома иногородних братьев. Радовался хорошо и красиво переписанной книге больше, чем изысканной трапезе и тонкому вину⁹⁷. Все свое время посвящал написанию собственных книг, писцовой работе, чтению и молитве⁹⁸. Красноречивый, ученый и опытный в духовных упражнениях, Зербольт охотно отвечал на любые вопросы клириков.

При житзнии Зербольта первая община братьев не имела еще гражданского и церковного юридического статуса. Когда возникали сложности в отношениях с магистратом города и епархией, Радевейнс прибегал к здравому смыслу и юридическим познаниям Зербольта⁹⁹. Для защиты братьев от нападков доминиканцев им были написаны два произведения: *Об образе жизни совместно живущих благочестивых людей* (**Super modo**

⁹⁵ *Dialogus*. P. 278-279.

⁹⁶ *Dialogus*. P. 278: *Fuit praeterea incurius sui corporis: maiorem cura gerens de viribus animae reparandis.*

⁹⁷ *Dalogus*. P. 279.

⁹⁸ *Dialogus*. P. 277.

⁹⁹ *Dialogus*. P. 279: *Frequenter dominus Florentius ipsum advocavit pro negotiis domus disponendis et precipue cum eo tractabat de his quae iuris peritiam requirebant, et spiritualem causam ex-petere videantur.*

vivendi devotorum hominum simul commorantium) и *O немецких книгах (De libris teutonicalibus)*. В них Зербольт выстроил стройную систему доказательств, в которой свел практику благочестивых братьев к раннехристианской общине, уже для Гроте служившей образцом для подражания. Совместная благочестивая жизнь без принесения монашеских обетов была нормой во времена апостольской церкви, и задолго до Христа благочестивые люди жили общинами, примером чему служат пифагорейцы. Суммируя высказывания стоиков, Платона, апостола Павла, Амброзия и Августина, Зербольт делал вывод, что общая собственность является естественным и идеальным состоянием человеческого общества¹⁰⁰. Равным образом доказательно обосновывал право мирян читать Св. Писание на своем родном языке.

Фома подчеркивает большие дарования Зербольта. Имея за плечами только курс латинской школы, он написал четыре программных для «Нового благочестия» произведения, которые поставили его в один ряд с основателями движения, и все это за неполные 31 год жизни. Но Фома пишет о Зербольте несколько отстраненно. Возможно, с ним у него не сложилось таких доверительных отношений, как с другими обитателями дома мастера Флоренса. Человеком, которого Зербольт очень любил, был Люберт Бернери, после его смерти он пролил потоки слез. Сам Зербольт умер в тот же год в Виндесгейме, возвращаясь из монастыря Дикингем, с аббатом которого, доктором церковного права, часто советовался по юридическим вопросам. Радевейнс и все братья горько его оплакивали, ибо был он столпом их дома.

В жизнеописаниях первых отцов «Нового благочестия» прослеживается определенная схема: место рождения, жизненная канва до вступления в общину, причины, по которым герой повествования решил оставить мир, благочестивая жизнь в доме мастера Флоренса, смерть. Сверх того, Фома приводит запомнившиеся

¹⁰⁰ Нута А. 1926, 1-100.

ему слова, тонко подмеченные черты поведения, индивидуальные пристрастия каждого. В его рассказах возникает атмосфера дома, стиль повседневного общения его обитателей между собой и с посторонними людьми. Дается оценка всему, чему был свидетелем или же слышал от других. В некоторых эпизодах умудренный опытом Фома—наставник вспоминает Фому-подростка или Фому-юношу, свидетеля или участника событий, и, не стесняясь, выражает свои мысли и чувства. По тактичным описаниям различных происшествий и разговоров можно проследить, какие черты образа мыслей и поведения этих людей были им восприняты, а какие оставлены в стороне. При создании *Диалогов новицьев* Фома ставил целью передать последующим поколениям духовные практики основателей «Нового благочестия». Но на тех же листах нашло отражение его собственное интуитивное постижение мира окружавших его людей, отразился опыт его взросления и осознанного созидания своей неповторимой личности¹⁰¹.

Хроника монастыря горы св. Агнессы

Хроника монастыря горы св. Агнессы была опубликована в 1621 г.¹⁰² по рукописи Агнитенберга¹⁰³. Произведение состоит из трех частей. Первая часть начинается с предыстории монастыря и заканчивается последней записью, сделанной Фомой 13 июня 1471 г. Вторая часть написана анонимным продолжателем, который 25 июля 1471 г. сообщил о смерти брата Фомы Кемпийского, и далее вел повествование до конца 1478 г. В третью часть вошли выборки «того, что не относится к нашему монастырю». Вероятно, при переписке *Хроники* (автограф Фомы не сохранился) писец вычленил из ее текста все, что не касалось непосредственно Агнитенберга, и записал изъятые фрагменты отдельно в конце рукописи.

¹⁰¹ Логутова М.Г. 2013, 191-217.

¹⁰² Rosweide Heribertus. 1621.

¹⁰³ Lesser B. 2005, 108.

Десять глав первой части *Хроники* посвящены предыстории и первым годам существования Агнитенберга. Вкупе с тем, «что не относится к нашему монастырю», они представляют краткий очерк начального периода «Нового благочестия». Однако и основной текст также не замыкается монастырскими стенами. История обители показана в контексте поступательного движения «Нового благочестия» и Виндесгеймского капитула, и тесно увязана с событиями в Утрехтской епархии.

Во введении к *Хронике* Фома указал источники, из которых черпал сведения. На первое место он поместил то, чему лично был свидетелем: «Я составил краткую хронику для утешения ныне живущих и для памяти будущих поколений. Смиренно подтверждая их [собратьев по монастырю] благочестивые пожелания, собрал, понемногу от многих, то, что видел своими глазами, либо слышал от наших старших или узнал из написанного другими»¹⁰⁴. Кратко, деловым тоном, Фома сообщает об основных событиях, происходивших в монастыре и за его пределами. Более подробно и в несколько ином эмоциональном ключе ведется рассказ о людях, будь то епископ или брат-мирянин. Как и положено в монастырских хрониках, изложение идет по годам, с указанием имен вступивших в этот год в монастырь, и мартирологами усопших братьев.

Фома вступил в Агнитенберг в 1399 г. В тот год по распоряжению папы Бонифация IX в Зволле, по случаю освящения капеллы Богоматери¹⁰⁵, отпустились грехи:

«В 1399 г. в Зволле давались апостольские отпущения грехов <...> В тот же год я, Фома Кемпийский, девентерский школяр, рожденный в кельнской епархии, пришел в Зволле за индульгенцией. Затем проследовал,

¹⁰⁴ *Chronica*. P. 333: Brevem chronicam texerem ad solacium praesentium et memoriam futurorum. Quorum piis desideriis humiliter annuens pauca de pluribus collegi, quae vel ipse oculis vidi, vel a senioribus nostris didici, aut ex aliorum scriptis accepi.

¹⁰⁵ *Thüss B.J.* 2000, blz. 93.

радостный, в монастырь горы св. Агнессы, где попросил пристанища и был милосердно принят. Позднее <...> туда же пришел Вильгельм Хенрик, уроженец Амстердама, который также некоторое время пребывал в Де-вентере с благочестивыми клириками»¹⁰⁶.

Фома был принят в монастырь сначала на положении доната¹⁰⁷, затем конверса¹⁰⁸. Донаты приносили только один обет послушания приору своего монастыря¹⁰⁹. Статус доната позволил Фоме продолжить свое образование в знаменитой городской школе в Зволле, которую возглавлял реформатор школьного образования и друг Герта Грооте Иоганн Целе (Johan Cele). В старших классах изучались дисциплины факультета искусств – логика и начатки философии. Когда Фома посещал школу, то жил в общежитии для бедных школьников, которое содержали при своем доме братья «общей жизни» в Зволле¹¹⁰.

Конверсы приносили три обета и имели статус *religiosus*. После обряда облачения в монашеское одеяние исполнять главную обязанность каноников, петь в церковном хоре, могли только те конверсы, которые умели читать¹¹¹. Обычно испытательный срок не превышал одного – полутора лет. Товарищ Фомы по дому мастера Флоренса Вильгельм Хенрик пришел в Агнителиберг в один год с Фомой и был облачен в 1401 г., Фо-

¹⁰⁶ *Chronica*. P. 368: Anno MCCCXCIX [1399] fuerunt Zwollensibus datae indulgentiae apostolicae <...> Eodem anno ego Thomas Kempis, scholaris Daventriensis, ex dioecesi Coloniensi natus veni Zwollis pro indulgentiis Deinde processi laetus ad montem sanctae Agnetis et feci instantiam pro mansione in eodem loco; et fui misericorditer acceptatus. Postea in profesto sanctae Barbarae virginis venit ibidem Wilhelmus Henrici de Amsterdam oriundus: qui etiam Daventriae stetit ad tempus cum clericis devotis.

¹⁰⁷ Thüss, *De geschiedenis ...*, blz. 93.

¹⁰⁸ *Chronica*, p. 371.

¹⁰⁹ *Dijk.R.Th.M. van*. 2000, blz.44.

¹¹⁰ *Geest Paul van*. 1996, blz. 46.

¹¹¹ *Dijk van*. De Agnietenbergkroniek, blz.44.

ма же только в 1406 г.¹¹² В 1407 г. он принес торжественные монашеские обеты¹¹³. Причина, по которой испытательный срок длился более шести лет кроется, скорее всего, в его высокой требовательности к себе. «Наружный обычай и пострижение немного значит; но изменение нравов и внутреннее умерщвление страстей – вот что совершает истинного монаха», – писал он позднее¹¹⁴.

Возвращаясь к тексту *Хроники*, следует сказать, что наиболее подробно, в присущей Фоме неторопливо-прочувствованной манере повествования, излагается история первых лет монастыря. Обитель берет начало от маленькой общины благочестивых горожан г. Зволле. Возглавлял ее слепец Иоганн ван Уммен, о котором Гроте говорил, что этот слепой видит лучше, чем кто-либо другой в Зволле, поскольку показывает людям путь к спасению¹¹⁵. Когда Гроте в 1384 г. посетил Зволле, ван Умен обратился к нему с просьбой благословить их на более строгую, т.е. монашескую жизнь вне городских стен. Они показали Гроте одно место близ Зволле. Гроте счел место сырым, и посоветовал выбрать холм рядом, пообещав, что если будет жив, то будет часто их здесь навещать¹¹⁶.

На указанном холме руками братьев был построен дом. «Кто сумеет сказать, сколь скудным было их пропитание во время этих повседневных трудов?» – вопрошает Фома, описывая тяготы их жизни¹¹⁷. Братья-

¹¹² *Chronica montis sanctae Agnetis*. In: Thomas Hemerken ... Opera, v. 7, p. 371-372: "Anno Domini M.CCCC.VI. in die Sacramenti, quae tunc fuit in profesto Barnabae, investiti sunt duo fratres clerici et unus conversus frater Thomas Hemerken de Kempis civitate."

¹¹³ Geest van, blz. 46.

¹¹⁴ *О подражании Христу*, С. 33.

¹¹⁵ *Chronica*, P. 347: Ipse namque magister Gerardus plures ad illum transmisit, ut eos in via Dei instrueret, dicens: Ite ad caecum Iohannem de Vmmen devotum et probum virum, et quicquid vobis dixerit, facite. De quo etiam tale testimonium dedit: Iste caecus melius videt, quam omnes in Zwollis.

¹¹⁶ *Chronica*. P.334-340.

¹¹⁷ *Chronica*. P. 349.

клирики переписывали книги священного Писания, братья-миряне ткали и возделывали землю¹¹⁸. В 1395 г. было закончено строительство первой капеллы и освящен алтарь в честь святых Агнессы и Марии-Магдалины. Летом 1398 г. епископ Утрехта дал разрешение на перевод четырех каноников вместе со всем имуществом из монастыря августинских уставных каноников Вестрехове на гору св. Агнессы. Монастырь был принят в капитул Виндесгейма, а после пасхи следующего, 1399 г., приором Агнитенберга назначили старшего брата Фомы Кемпийского Иоганна.

«В 1399 г. после пасхи брат Иоганн Кемпийский, монах из Виндесгейма, был избран приором монастыря. Этот первый приор, с божьей помощью, в течение 9 лет строго управлял домом с большой бедной семьей. И как строения, так книги и все необходимое для монастыря имущество достойно улучшил. <...> Трудно сказать, каким трудом и потом эта гористая песчаная местность была приведена к изобилию плодов и стала ровной земной поверхностью. <...> В свободное время [Иоганн] усердно предавался чтению Св. Писания, переписывал и украшал книги. Переписал много книг для хора и для библиотеки и, поскольку община все еще оставалась бедной, побуждал некоторых братьев переписывать книги на продажу, как это было в обычае с прежних времен»¹¹⁹. В жизнеописаниях каноников переписчик книг

¹¹⁸ *Chronica*. P. 345.

¹¹⁹ *Chronica*. P. 365-368: “Anno Domini MCCCXCIX [1399] post pascha frater Iohannes Kempis, conventualis in Windesem, electus est in priorem domus montis sanctae Agnetis. Hic primus prior Deo auxiliante statum domus cum multa et paupere familia annis novem strenue ac religiose gubernavit: et tam in aedificiis, quam in libris et aliis necessariis bona monasterii commendabiliter melioravit.<...> Non est facile dictu, quanto labore et sudore locus ille montuosus et arenosus in ubertatem fructuum et planitiem terrae sit deductus.<...> Tempore vacante lectionibus sacris insistebat: et saepe libris scribendis vel illuminandis operam dedit. Plures libros pro choro et pro armaria scribi fecit; et nihilominus quia pauperes adhuc errant, aliquos fratres pro pretio scribere ordinavit, sicut ab antiquis temporibus con-

Фома Кемпийский всегда указывал вклад того или иного собрата в книжную сокровищницу монастыря.

– «В 1399 г. нашим первым ректором был облачен брат Годафрид Кемпийский <...> рожденный в кельнском диоцезе, умеющий хорошо писать, читать и петь. Он переписал полностью весь миссал и три антифонария для алтаря, снабдил украшениями многие книги. И алтарь церкви расписал и украсил прекраснейшими образами святых»¹²⁰.

– «В 1458 г. в Зволле преставился брат наш Герард Везеп <...> Он прожил в монастыре почти 56 лет и умер в возрасте 76 лет. Многие книги переписал для хора, для библиотеки и на продажу, на латыни и на немецком языках, и много потрудился для общей пользы»¹²¹.

События своей жизни освещены в *Хронике монастыря горы св. Агнессы* очень избирательно. Отсутствуют, за исключением рассказа о приходе в монастырь, описания собственных мыслей и чувств, которые придают такое обаяние *Диалогам новицке*. Такой подход диктовался как требованиями жанра строгой монастырской хроники, так и тем обстоятельством, что в монастыре Фома был уже взрослым человеком, членом монашеского сообщества. Все личное по возможности вы-

suetum erat. Quod multi fratrum studiose fecerunt: alii autem laboribus externis se viriliter exposuerunt.”

¹²⁰ *Chronica*. P.365: Anno 1399 fuit investitus a primo rectore frater Godefridus Kempis <...> ex diocesi Coloniensi natus, sciens bene scribere, legere et cantare. Hic unum missale pro summo altari et tria antiphonaria scripsit: et plures libros illuminavit. Sed et altaria ecclesiae sanctorum imaginibus venustissime pinxit et decoravit.

Chronica. P. 442-443: Eodem anno [1458] <...> obiit meridie in Zwollis frater noster Gerardus Wesep, in monasterio Bethleem missus, ibidem ex oboedientia et caritate fraternae post obitum multorum fratrum ibidem numero decem et aliquorum laicorum familiarium domus illius. Qui circa horam vesperarum allatus est et transvectus in curru ad domum nostram, sicut desideravit <...> Hic lvi annis in ordine fere completes obiit anno aetatis suae lxxvii. Multos libris scripsit pro choro, pro libraria et pro pretio in Latino et in Teutonico multosque labores pro commune utilitate fecit.

несено за рамки повествования. Так, нет упоминания о переводе Иоганна Кемпийского в 1408 г. во вновь основанный монастырь Св. Петра в Зальтбоммеле¹²², сообщается лишь об избрании новым приором Агнитенберга Вильяма Ворнкена (Wiliam Vornken, + 1459)¹²³. Обойдено молчанием рукоположение Фомы в священнический сан, которому в *Подражании Христу* дана самая высокая оценка¹²⁴. Об этом событии, произошедшем в 1413 г. или 1414 г., *Хроника* упоминает только в посвященном Фоме некрологе¹²⁵. Описывая события монастырской жизни периода первых 25 лет пребывания в Агнитенберге, Фома Кемпийский лишь дважды упомянул о себе: в 1399 г. (приход в монастырь) и в 1406 г. (облачение в монашеское одеяние).

В 1423 г. умер епископ Утрехтский Фредерик ван Бланкенгейм (Frederick van Blankenheim, 1355 – 1423 гг.), который 30 лет возглавлял епархию, муж мудрый и образованный¹²⁶. «Кто достойно воздаст ему хвалу? В дни его было наилучшее положение дел в земле утрехтской <...> Процветала там словесность, особенно в Девентере и Зволле. И из разных городов и областей, ближних и дальних, собирались толпы студентов, так что казалось, что золотой век был дан утрехтской отчизне»¹²⁷.

¹²² *Chronica*. P. 407.

¹²³ *Chronica*. P. 375.

¹²⁴ Фома Кемпийский. *О подражании Христу*, с. 298: Великая тайна и великое достоинство священнического звания! Им дано то, чего и ангелы не прияли. Одни только священники, по чину церковному поставленные, власть имеют совершать службу и освящать тело Христово.

¹²⁵ *Chronica*. P. 472.

¹²⁶ *Chronica*. P. 393: vir prudens et litteratus, satis pertimuit sciens et mores civitatum et partialitates quorundam optimatum, et quanta virtute insolentias horum vix compescuit et subegit.

¹²⁷ *Chronica*. P. 392: Quis digne laudes eius enarrabit? In diebus eius fuit optima dispositio terrae Traiectensis ... Floruebant et tunc studia letterarum, praecipue Daventriae et Zwolli: et de diversis

В 1424 г. скончался приор супериор Виндесгейма Ян ван Хейсден. Незадолго до его кончины, во время визита в главный монастырь капитула, Фоме привиделся пророческий сон. Рассказ ведется от третьего лица:

«Случилось, что незадолго до кончины его [Хейсдена] <...> два брата из монастыря горы св. Агнессы пришли поговорить с приором Виндесгейма. Одному из них той же ночью был явлен предсказывающий будущее сон. Он увидел в небесах толпу духов, подобно тому, как если бы они спешили к кончине кого-то. И во сне слышал, как регулярно бил колокол, как если бы звонил по умирающему. Затем он проснулся, встал с постели, желая знать, что происходит, и никого не заметил. Было утро, пятый час, братья еще спали. Вернувшись к себе, в молчании стал размышлять, что очень скоро отец наш приор покинет этот мир. Никому в доме о видении не сообщил, только по секрету сказал одному клирику, шедшему с ними из Брабанта: “Передайте господину Герману Скуткену¹²⁸, который пребывает в Тене, что, если он хочет поговорить с отцом нашим в Виндесгейме, то пусть скорее возвращается; потому что, как я полагаю, недолго он [в этом мире] пребудет, если верно видение, которое некто видел этой ночью”»¹²⁹.

civitatibus et partibus prope aut longe caterva studentium conflabat. <...> ita ut patriae Traiectensi viderentur aurea saecula data.

¹²⁸ Герман Скуткен был духовником Хейсдена. См. *Iohannes Busch*. 1886. S. 59.

¹²⁹ *Chronica*. P. 394: Contingit ante paucos obitus sui dies infra octavam sancti Martini episcopi, ut duo fratres de monte sanctae Agnetis ad colloquendum priori in Windesem venirent. Tunc unus illorum eadem nocte tale somnium habuit, praesagium futurorum. Vidit namque in caelestibus concursum spirituum fieri et quasi ad obitum alicuius festinare. Statimque tabulam quasi pro exitu morientis in somnis audivit pulsare, ut inde expergefactus evigilaret. Surgens ergo de lecto et volens ire visum, quid esset, neminem percepit. Erat enim mane ante quintam horam, et fratres adhuc quiescebant. In se reversus tacitus cogitare coepit, quia forte in brevi pater noster prior de saeculo migrabit. Nulli tamen in domo

Этот рассказ дословно пересказан в *Виндесгеймской хронике* историографом «Нового благочестия» Иоганном Бусхом с той разницей, что Бусх сообщил имя брата, которому явилось видение: «Фома Кемпийский, муж испытанной жизни, написавший много небольших трактатов, среди которых *Кто следует мне* о подражании Христу»¹³⁰. Через 15 дней, 2 декабря 1424 г., Хейсден скончался.

Приором супериором Виндесгейма был избран приор Агнитенберга Вильям Ворнкен, а новым главой монастыря горы св. Агнессы – суприор монастыря Теодорик ван Клеэф¹³¹. О том, что на освободившееся место суприора назначили брата Фому Кемпийского, *Хроника* умалчивает. Между тем эта должность много значила в жизни Фомы. В виндесгеймских монастырях суприоры, вторые

illa quidquam de visione retulit: sed uni clerico de Brabantia venienti et in via secum pergenti secrete ait: Dicatis domino Hermanno Scutken, qui moratur in Thenis, si velit patri nostro in Windesem loqui, quod cito veniat: quia aestimo, quod non diu erit, si vera est visio, quam quidam hac nocte vidit.

¹³⁰ *Busch*. 1886. P. 58-59: Contingit ante paucos dies sui obitus, ut duo fratres notabiles de Monte sancte Agnetis prope Zwollis ordinis nostri dictum priorem nostrum super certis rebus consulturi in Windesem advenirent, quorum unus frater Thomas de Kempis vir probate vite, qui plures devotos tractatulos composuit, videlicet “qui sequitur me” de imitatione Christi cum aliis, nocte insecuta sompnum vidit presagium futurorum. Aspexit namque in visu noctis concursum spirituum beatorum fieri in celestibus, quasi pro alicuius obitu celeriter festinancium, statimque tabulam quasi pro morientis exitu in sompnis audivit pulsari, ut exinde experrectus evigilaret. Surgens ergo de lecto et quidnam esset factum volens ire visum neminem percepit. Erat autem mane ante horam quintam, et fratres adhuc dormiebant. In se itaque reversus cepit tacite cogitare, quod prior de Windesem in brevi esset migraturus. Nemini tamen in Windesem tunc retulit visionem, sed clerico de Brabantia secum inde pergenti dixit in secreto: “Dicatis domino Hermanno Scutken in Thenis monte commoranti, si priori velit loqui in Windesem, quod cito veniat, quia diu hic non erit, si vera fuit visio, quam hac nocte vidi”. Qui non longe post premissa viam universae carnis est ingressus.

¹³¹ *Chronica*. P. 307.

лица в обителях, были наставниками молодых монахов. Наставнические обязанности давали выход потребности и, что не менее важно, умению Фомы передавать свои знания и опыт. Не случайно в *Диалогах новицьев* он обращал особое внимание на искусство Флоренса Радевейнса общаться с молодежью, воспитывая ее словом и примером собственной жизни. Вполне возможно, что Фома, как в свое время Гроте, прибегал к некоторым уловкам, чтобы удерживать внимание новицьев на важных для их образования темах. Должность суприора развила и обогатила педагогические способности Фомы.

В 1425 г. началась так называемая «Утрехтская схизма». Капитул Утрехта избрал епископом Рудольфа ван Дипхольта (Rudolph van Diepholt, 1390 – 1455 гг.). Папа Мартин V не утвердил Дипхольта и в 1425 г. назначил на эту должность Зведера ван Куленборга (Zweder van Culenborg). Однако значительная часть населения провинции Оверейсел, в которой располагался монастырь горы св. Агнессы, не приняла назначенного папой епископа. Папа подверг провинцию интердикту, были запрещены церковная служба и песнопения. Верные апостольскому престолу, братья и сестры «общей жизни» и монахи Виндесгеймского капитула считали своим епископом Куленборга. Чтобы иметь возможность совершать богослужение, обитатели монастыря горы св. Агнессы отправились в 1429 г. в добровольное изгнание в августинское аббатство Людингакерк во Фрисландии. В *Хронике* поименно перечислены все 24 ушедших монаха и мирянина, первым назван приор Теодорик ван Клееф, вторым – суприор Фома Кемпийский. Для охраны монастыря оставили лишь нескольких братьев-мирян. Первую ночь, как рассказывает Фома, странники провели у сестер в Хассельте, затем морем, с опасностью для жизни, отплыли во Фрисландию¹³². Во время пребывания в Людингакерке гости реформировали приютивший их монастырь, и в 1432 г. эта мужская

¹³² *Chronica*. P. 401-405.

обитель вошла в состав Виндесгеймского капитула. Утрехтская схизма продолжалась в общей сложности до 1450 г., но для братьев монастыря горы св. Агнессы она закончилась после смерти Куленборга в 1432 г., когда папа Евгений IV утвердил епископом Дипхольта. Фома покинул Людингакерк еще раньше, в 1431 г. Он был отозван к своему брату Иоганну, первому приору Агнитенберга, который в это время был ректором и исповедником сестер в только что основанном монастыре Вифания близ Арнема. Иоганн был болен, Фома помогал ему при исполнении пастырских обязанностей и принял его последний вздох. Посвященный брату некролог является, собственно, кратким послужным списком:

«В 1432 г. <...> в возрасте 67 лет почил брат Иоганн Кемпийский, первый ректор и исповедник монахинь в монастыре Вифания близ Арнема. Он был ректором и приором во многих вновь основанных домах. Был первым ректором женского монастыря источника Девы Марии близ Арнема при основании этого дома, там при нем были пострижены несколько монахинь. Затем был избран первым приором монастыря горы св. Агнессы, каковой пост занимал 9 лет. Затем был послан в Боммел и вместе с другими братьями положил начало этому монастырю. И снова был избран приором монастыря Девы Марии близ Гарлема в Голландии, где пробыл 7 лет. Также некоторое время ему было вменено в обязанность быть первым ректором монахинь в Бронпе близ Кампена. Наконец в послушании и доброй старости счастливо завершил свою жизнь в Вифании. <...> Я при этом присутствовал и закрыл ему глаза, поскольку был призван ему в помощь, и оставался при нем год и два месяца. В этот же год Вифания была принята в капитул Виндесгейма»¹³³.

¹³³ *Chronica*. P. 407-408: AD MCCCCXXXII [1432] <...> obiit frater Iohannes Kempis, primus rector et confessor sanctimonialium in Bethania prope Arnhem, anno aetatis suae sexagesimo septimo [67]. Hic in diversis locis et novis domibus rector aut prior fuit. Apud fontem beatae Mariae prope Arnhem in principio do-

Брат Иоганн и Флоренс Радевейнс были самыми близкими Фоме людьми. Оба занимают значительное место на листах его произведений, но в сравнении с выражениями любви и признательности к мастеру Флоренсу слова, посвященные брату, звучат сдержанно. Фома не афишировал свою любовь к родному человеку, тем не менее сквозь скупые строки просвечивает глубокая привязанность и духовное родство братьев. Тринадцать лет от роду он пришел к брату в Виндесгейм¹³⁴. По окончании учебы Радевейнс направил его к старшему брату,¹³⁵ там Фома был облачен и произнес торжественные обеты. Он был с братом, когда тому потребовалась помощь в последнем пределе жизни, и по кончине закрыл ему глаза. В некрологе особый акцент сделан на том, что капитул вновь и вновь посылал Иоганна Кемпийского возглавлять новые обители – трудолюбие и организаторские способности Иоганна позволяли в короткий срок налаживать нормальный ритм монастырской жизни в только что основанных монастырях.

mus illius primus rector fuit et quosdam ibi investivit. Postea electus est in priorem domus montis sanctae Agnetis et novem annis praefuit. Deinde missus est prope Bommel et domum illam cum paucis incepit. Rursus autem electus est in priorem domus beatae Mariae prope Haerlem in Hollandia, ubi septem annis praefuit. Etiam aliquo tempore apud moniales in Bronopia prope Campis primus rector deputatus fuit. Tandem in Bethania quae interpretatur domus oboedientiae, vitam in oboedientia et bona senectute feliciter finivit sepultus intra clausuram post horam vesperarum, ubi tunc praesens fui et oculos eius clausi. Nam per visitatores pro socio sibi deputatus fui et uno anno et duobus mensibus secum steti. Eodem anno domus illa post pascha generali capitulo fuit incorporata.

¹³⁴ *Chronica*. P. 214.

¹³⁵ *Chronica*. P. 466: Hic in iuvenili aetate fuit auditor domini Florentii in Daventria et ab eo directus est ad fratrem suum germanum, tunc temporis priorem montis sanctae Agnetis, anno aetatis suae xx, a quo post sex annos probationis suae investitus est.

Отправляясь из Людингакерка к брату, Фома сложил с себя обязанности суприора. Между 1432 и 1448 гг. он недолгое время занимал пост прокуратора – лица, ведавшего общими хозяйственными делами монастыря, но был освобожден от этой должности по причине своей неспособности заниматься практическими делами¹³⁶. В *Хронике* об этом нет ни слова. В 1448 г. четвертым приором Агнитенберга стал Генрик Вильям Девентерский (Henrik Wiliam van Deventer), до того исполнявший обязанности суприора. На оставшуюся вакантной должность был назначен Фома Кемпийский. Если о первом своем избрании суприором он умолчал, то эпизод со вторым назначением описал довольно подробно. Этот последний рассказ о себе в *Хронике Агнитенберга* исполнен крайнего смирения, речь ведется от третьего лица:

«... [суприором] был избран и назначен брат Фома Кемпийский, один из старейших [каноников], в возрасте 67 лет, который в прежние времена уже занимал эту должность. И сколь бы ни признавал себя непригодным и извинялся за это, однако, когда ему было предписано послушание, смиренно подчинился совету братьев, не отказываясь от работы ради них, и подчиняясь любви Иисуса Христа. Просил братьев молиться за себя, и более доверял благодати Божией, чем себе»¹³⁷.

В конце 1440-х гг. в Агнитенберге было неспокойно. Некоторые каноники и братья-миряне нарушали дисциплину, были случаи ухода из монастыря. Приор Генрих Вильгельми сообщил о происходящем епископу, на что 4 октября 1450 г. последовало предписание принять к

¹³⁶ *Thüss. De geschiedenis. blz. 93.*

¹³⁷ *Chronica. P. 423-424: Electus est et nominatus frater Thomas Kempis, unus de senioribus lxvii. annorum: qui praeteritis temporibus huic officio deputatus fuit. Et quamvis se ineptum sciret et excusaret, tamen oboedientia iubente humiliter se subiecit consilio fratrum, non recusans laborem propter eos subire amore Iesu Christi, petens intime sociorum ac fratrum suorum orationes, plus gratiae Dei quam sibi confidens.*

виновным жесткие меры вплоть до отлучения от церкви¹³⁸. Без сомнения, Фома тяжело переживал нелицеприятные эпизоды в истории монастыря, но обошел их в *Хронике* молчанием. Вполне конкретную его реакцию на происходящее можно видеть, на наш взгляд, в написанных в эти же годы *Диалогах новициев*. Суприор-наставник обращается к памяти основателей движения и воскрешает в своем произведении самые яркие и дорогие для него образы людей, чистых сердцем и помышлениями, всецело преданных делу восстановления идеалов апостольской церкви и обновления благочестия своих современников.

Приведем для примера несколько событий, которые счел нужным осветить в своей хронике Фома Кемпийский. В 1440 г. в восточной части монастыря трудами братьев был построен из камня большой дом для гостей обители¹³⁹. В апреле 1446 г. в пальмовое воскресенье была страшная буря со снегом и молниями, которые сожгли церковную башню в Зутфене¹⁴⁰. В 1450 г. многие паломники отправились в Рим за отпущениями грехов и не вернулись, умерев по дороге или в самом Риме¹⁴¹. В том же году была бубонная чума. В том же году жители Зволле построили мост через реку Фехт недалеко от монастыря, стоимость моста – 600 рейнских флоринов¹⁴². В 1451 г. в Кельне была чума, умерли 25 тыс. человек. В том же году в Утрехтский диоцез прибыл легат папы в Германии кардинал Николай Кузанский и посетил Виндесгейм. «Был принят в монастыре с почетом и вел с братьями беседу. Дал от имени апостольского престола

¹³⁸ *Thüss. De geschiedenis. blz. 98.*

¹³⁹ *Chronica. P. 411: AD MCCCCXXXX [1440] aedificata est domus magna in occidentali parte monasterii pro hospitibus recipiendis et familiaribus laicis, cuius tectura de petris perfecta est in profesto sancti patris nostril Augustini. In quo opere multi fratrum nostrorum diu et fortiter laboraverunt, alii vero chorum enuerunt.*

¹⁴⁰ *Chronica. P. 416.*

¹⁴¹ *Chronica. P. 425-426.*

¹⁴² *Chronica. P. 426.*

всем подвластным генеральному капитулу Виндесгейма людям юбилейное отрушение грехов. Когда его спросили, можно ли без разрешения отправиться в Рим за индульгенциями, он ответил: Господин наш папа собственными устами сказал: лучше послушание [т. е. исполнение устава, непосредственное монашеское служение], чем индульгенция»¹⁴³. В 1455 г. в церкви Агнитенберга были освящены 4 алтаря и несколько образов святых¹⁴⁴. В 1460 г. всю зиму вплоть до календ мая продолжалась сильнейшая стужа, животным не хватало сена, и бедные умирали в своих домах¹⁴⁵. В 1467 г. в Виндесгейме во славу Господа была перестроена и расширена старая церковь¹⁴⁶. В том же году в монастыре св. Агнессы была построена новая кухня¹⁴⁷.

Последние из написанных Фомой строк о смерти брата-мирянина Герлаха Йоханиса относятся к 13 июня 1472 г.¹⁴⁸ Следующая запись от 25 июля этого года сообщает уже о смерти самого Фомы Кемпийского. Продолжатель его труда пишет: «В день св. Иакова старшего на 92 году жизни преставился возлюбленный брат наш Фома Хемеркен из города Кемпен кельнской епархии, на 73 году монашеского и 58 году священнического служения. В юные годы был воспитанником господина Флоренса в Девентере и по достижении 20 лет был направлен им к его брату, тогда приору монастыря горы св. Агнессы, которым и был по истечении 6 лет испытания облачен. В монастыре терпел великие искушения, лише-

¹⁴³ *Chronica*. P. 428: Venit etiam in Windesem et honorifice a conventu susceptus ibidem collationem fratribus fecit. Insuper dedit auctoritate sedis apostolicae omnibus generali capitulo subiectis indulgentias iubilai. Quesitum est ab eo, an liceat sine licentia Romam pro indulgentiis pergere, respondit: Dominus papa oretenus dixit: Melior est oboedientia quam indulgentia.

¹⁴⁴ *Chronica*. P. 436.

¹⁴⁵ *Chronica*. P. 446.

¹⁴⁶ *Chronica*. P. 440.

¹⁴⁷ *Chronica*. P. 460-461.

¹⁴⁸ *Chronica*. P. 465-466.

ния и нужду. Переписал всю нашу Библию и многие другие книги для монастыря и на продажу. Сверх того, для образования молодежи сочинил различные книжки, и хотя стиль этих книг прост и ясен, но содержание – величественно, и воздействие – эффективно. Был также почитателем страстей Господних и дивным утешителем искушаемых и терзаемых. Под конец в старости был мучим водянкой. Почил в Господе и похоронен в восточном обходе сбоку от брата Петра Херборта»¹⁴⁹.

Начиная с середины XV столетия «Новое благочестие» переживало период расцвета. К 1450 г. капитул Виндесгейма (осн. 1387 г.) насчитывал в Нидерландах и в Германии 68 монастырей¹⁵⁰. Успех движения вызвал появление ряда монастырских хроник и хроник домов «общей жизни»¹⁵¹. Наиболее полно картина становления и развития движения дана в исторических сочинениях

¹⁴⁹ *Chronica*. P. 466-467: Eodem anno [1471] in festo sancti Jacobi maioris post completorium obiit praedilectus frater noster Thomas Hemerken de Kempis natus, civitate diocesis Coloniensis, anno aetatis suae xcii, et investitionis suae lxiii, anno autem sacerdotii sui lviii. Hic in iuvenili aetate fuit auditor domini Florentii in Daventria et ab eo directus est ad fratrem suum germanum, tunc temporis priorem montis sanctae Agnetis, anno aetatis suae xx, a quo post sex annos probationis suae investitus est. Et sustinuit ab exordio monasterii magnam penuriam, temptationes et labores. Scripsit autem Bibliam nostram totaliter et alios multos libros pro domo et pro pretio. Insuper composuit tractatulos ad aedificationem iuvenem in plano et simplici stilo, sed praegrandes in sententias et operas efficacia. Fuit etiam multum amorusus in passione Domini et mire consolativus temptatis et tribulatis. Tandem circa senium sum vexatus hydropisi in crucibus obdormivit in Domino, sepultus est in ambitu orientali ad latus fratris Petri Herbort.

¹⁵⁰ Лозымова М.Г. 2000, 225-253, 245.

¹⁵¹ *Busch Johannes*. 1886; *Frensweger Chronik*. 1930. P. 1-162; *Gielemans Johannes*. 1895, 109-197; *Muiden Rudolf Dier de*. 1719. P. 1-113; *Pomerius Henricus*. 1885, 257-334; *Voecht Jacobus Trajecti*. 1908.

Фомы Кемпийского и Иоганна Бусха (1399 – сер. 1480 гг.). Фактологическая канва и представление о характере движения у этих двух воспитанников «Нового благочестия» совпадают, но их произведения различаются степенью психологической достоверности. *Виндесгеймской хронике*, написанной Бусхом в 1456 – 1464 гг. по поручению приора Виндесгейма, присущи приподнято-горделивый тон и хронологическая точность. В исторических произведениях Фомы Кемпийского дат немного, но событийный план более развернут и богат, поскольку Фома хорошо знал тех, о ком писал. Более того. Все написанное им тщательно продумано и прочувствованно (в средневековье для этого существовал термин “*ruminatio*”), пропущено сквозь призму собственного жизненного и духовного опыта. Даже биография Гроте, которого он не застал в живых, изобилует вошедшими во все последующие жизнеописания подробностями и нюансами. Эти сведения были почерпнуты из рассказов самых близких к девентерскому патрициу людей, причем характер этих сведений таков, что получить их можно было только при духовно близком и длительном общении с этими людьми.

Основой религиозности «Нового благочестия» была работа индивида над духовным становлением собственной личности и передачей этого опыта другим людям. Историографы движения на примерах его основателей показывали своих современников (*moderni*), возрождающих идеалы первоначальной апостольской церкви¹⁵². В таком контексте исторические сочинения Фомы Кемпийского представляют не ностальгические воспоминания о подвижниках прошлого, но своего рода рабочий инструмент религиозной жизни своего времени¹⁵³. Послушник в *Диалогах новичиев* просит своего наставника проиллюстрировать презрение к миру конкретными примерами, причем не из жизни ушедших поколе-

¹⁵² *Staubach*, 1996, 179-181.

¹⁵³ *Staubach*, 1996, 181.

ний, а своих современников. «Я слышал о многих славных деяниях древних святых; хотел бы, однако, и о современных услышать благие новости».¹⁵⁴ Вполне естественно, что обновление религиозной жизни, свидетелем и участником которого был он сам, представлялось Фоме зримым проявлением божественного промысла, и потому он завершает *Житие девы Лидевиги* словами: «Бог вновь являет доказательства [своего присутствия] в наши дни. В год рождения Господа 1448».¹⁵⁵

Литература

Фома Кемпийский. О подражании Христу. Пер. К.П. Победоносцева. Брюссель, 1983.

Busch Johannes. Chronicon Windeshemense und Liber de reformatione monasteriorum. Ed. Karl Grube. Geschichtsquellen der Provinz Sachsen und angrenzender Gebiete. Halle, 1886.

Brugman Johannes. Vita alme virginis Liidwine. Ed. A. de Meijer. /Teksten en documenten. Т. 2. Groningen, 1963.

Gerardi Magni epistolae. Ed. *Willelmus Mulder*. Vol. 3. Tekstuitgaven van Ons Geestelijk Erf. Antwerpen, 1933.

Muden Rudolph Dier de. De magistro Gherardo Groote, Domino Florencio et multis aliis devotis fratribus. Ed. Gerhard Dumbar. Daventriae, 1719.

Papebrochius Daniël ed. /Acta sanctorum Aprilis II (Antwerpen 1675), P. 270-302.

Rosweide Heribertus. Chronicon canonicorum regularium ordinis s. Augustini capituli Windeshemensis. Auctore Ioanne Buschio. Accedit Chronicon montis S. Agnetis auctore Thomas a Kempis. Vitae Ioanni et Gobelini de Kempis fratrum Thomae a Kempis. Antwerpiae, 1621.

Thomas a Kempis. Vita Lidewigi virginis. In: Thomae Hemerken a Kempis Opera omnia. Ed. M.J. Pohl, v. 6. Freiburg, 1905.

Thomas a Kempis. Dialogus novitiorum. In: Thomae Hemerken a Kempis Opera omnia. Ed. M.J. Pohl. V. 7, Freiburg, 1922.

Thomas a Kempis. Chronica montis sanctae Agnetis. In: Thomae Hemerken a Kempis Opera omnia. Ed. M.J. Pohl. V. 7, Freiburg, 1922.

¹⁵⁴ *Dialogus.* P. 11: Quamvis enim multa praeclara facta de veteribus sanctis audivi: opto tamen bona nova audire de modernis.

¹⁵⁵ См. примечание 16.

- Логутова М.Г.* Маргиналии на книгах XV в. с текстами трактатов Герарда Зербольта “О преобразовании способностей души”. //Коллекции, книги, автографы. Ленинград, 1991, С. 13-29.
- Логутова М.Г.* Истоки и организационные формы “Нового благочестия”. /Средние века, 61, М., 2000, С. 225-253, С. 245.
- Логутова М.Г.* Реконструкция автобиографии Фомы Кемпийского по его историческим сочинениям. /Вспомогательные исторические дисциплины. XXXII. СПб, 2013. С. 191-217.
- Bange, P.* De hervorming van de Saksische vrouwenkloosters als verhaald door Johannes Busch in boek II van zijn «Liber de reformatione monasteriorum». /Windesheim 1395-1995. Klosters, texten, invloeden. Voordrachten gehouden tijdens het Internationale Congres "600 Jaar Kapittel van Windesheim", 27 mei 1995 te Zwolle. Red. A. J. Hendrikman u.a., in Middeleeuwse Studies, XII, Nijmegen, 1996, P. 143-153.
- Dijk.R.Th.M. van.* De Agnietenbergkroniek in het licht van de Moderne Devotie. / U. de Kruijf, J. Kummer & F. Pereboom (Hrsg.). Een klooster ontsloten. De kroniek van Sint-Agnietenberg bij Zwolle door Thomas van Kempen. Kampen, 2000, p. 9-56.
- Folkerts Suzanne Antoinette.* Voorbeeld op schrift: de overlevering en toe-eigening van de vita van Christina Mirabilis in de late middeleeuwen. Hilversum, 2010.
- Geest Paul van.* Thomas a Kempis. Kampen, 2008.
- Geest Paul van.* Thomas a Kempis (1379/1471). Een studie van zijn mens-en godsbeeld. Analyse en textuitgave van de Hortulus rosarum en de Vallis liliorum. Kampen, 1996,
- Hyma A.* Het tractaat 'Super modo vivendi devotorum hominem simul commorantium' door Gerard Zerbolt van Zutphen. /Archief voor de geschiedenis van het aartsbisdom Utrecht, 52. (1926), p. 1-100.
- Hyma Albert.* The Christian Renaissance. A History of the Devotio Moderna. Hamden, Connecticut, 1965.
- Koen Goudriaan.* Het Leven van Liduina en de Moderne Devotie. /Jaarboek voor Middeleeuwse Geschiedenis 6 (2003), p. 161- 236
- Lesser Bertram.* Johannes Busch: Chronist der Devotio moderna: Werkstruktur, Überlieferung, Rezeption. Frankfurt a. M., 2005.
- Medaer R.* Does the history of multiple sclerosis go back as far as the 14th century? /Acta Neurol. Scandinavica 60, 1979, p. 189-192.
- Oerle H. van.* "Tleven van Liedwy die maghet van Scyedam. /Ons Geestelijk Erf 54 (1980), p. 241-266.

Post R.R.R. The Modern Devotion. Confrontation with Reformation and Humanism. Leiden, 1968.

Staubach Nikolaus. Memores pristinae perfectionis: The Importance of the Church Fathers for Devotio Moderna. In: The Reception of the Church Fathers in the West: From the Carolingians to the Maurists, ed. Irena Backus, 2 vols., vol. 2. Leiden, 1997, S. 405-472.

Staubach Nikolaus. Das Wunder der Devotio Moderna. Neue Aspekte im Werk des Windesheimse Geschichtsschreibers Johannes Busch. /Windesheim 1395-1995. Klosters, texten, invloeden. Voordrachten gehouden tijdens het Internationale Congres "600 Jaar Kapittel van Windesheim", 27 mei 1995 te Zwolle. Red. A. J. Hendrikman u.a., in *Middeleeuwse Studies*, XII, Nijmegen, 1996, S. 170-185.

Thüßs B.J. De geschiedenis van het klooster op de Agietenberg. / U. de Kruijf, J. Kummer & F. Pereboom (Hrsg.). Een klooster ontsloten. De kroniek van Sint-Agnietenberg bij Zwolle door Thomas van Kempen. Kampen, 2000, p. 81-112.

Weiler A.G. Leven en werken van Geert Groote (1340-1384). In: *Geert Groote en Moderne devotie*. Zutphen, 1984, p. 9-56.